

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

НАСЛЕДНИК
КАЛАДАНА

Дюна

Кевин Андерсон
Наследник Каладана

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Наследник Каладана / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2022 — (Дюна)

ISBN 978-5-17-153478-3

Падишах-император Шаддам IV и его злейший враг Якссон Ару кружат друг вокруг друга, как два матерых хищника, но медлят нанести решающий удар. Герцог Лето Атрейдес затеял опасную двойную игру, задумав разрушить заговор Ару изнутри. Но сообщение императору, которое надлежало передать Гарни Холлику, не доставлено, и монарх убежден, что герцог примкнул к мятежникам. Леди Джессика, по приказу ордена Бинэ Гессерит, отправляется на планету Элегия, чтобы выполнить там очень неприятную миссию. Оставшийся на Каладане Пол сталкивается со множеством трудностей и опасностей, ибо нелегко в его юные годы управлять Великим Домом — даже при помощи мудрого и многоопытного Сафира Хавата. А барон Владимир Харконнен, как обычно, плетет изощренные интриги, надеясь завлечь семью Атрейдесов в хитро и умело разложенную сеть...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-153478-3

© Андерсон К. Д., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Наследник Каладана

Фантастический роман

Brian Herbert, Kevin J. Anderson
Dune. The Heir of Caladan

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Herbert Properties LLC, 2022
© Перевод. А. Воронцов, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Когда мы задумываемся, кому посвятить написанную нами книгу, то всегда в первую очередь вспоминаем о чудесных женщинах, разделивших с нами жизнь. Джанет Герберт и Ребекка Моэста! Выражая свою признательность, мы с любовью предназначаем эту книгу вам.

А также, в знак особой благодарности за обширный пласт творчества по вселенной «Дюны» и постоянную поддержку этой трилогии, мы хотим посвятить ее Кристоферу Моргану из «Тор Букс» за неизменную преданность серии.

Этот сон становится все более правдоподобным с каждым разом. В моменты бодрствования я страстно желаю опять вернуться туда, хотя и ощущаю там великую опасность.

Пол Атрейдес. Из личного дневника

Вечер выдался необычайно теплым. Пол лежал без сна в полутемной спальне, откинув одеяло. В замке Каладан он чувствовал себя очень одиноким и брошенным на произвол судьбы, тревожась о том, что герцог Лето и леди Джессика далеко и не рядом друг с другом. Гарни Холлик тоже пропал.

Но Пол, наследник благородного Дома Атрейдесов, был обязан мыслить как герцог. Ему почти исполнилось пятнадцать, и за Каладан отвечал он – по крайней мере временно, пока отец отсутствует.

Он понимал, что миссия герцога чрезвычайно важна, и вновь прокрутил сообщение, записанное для него отцом. «Смотри это только в том случае, если я не вернусь, – сказал Лето, вкладывая проволочную катушку в ладонь юноши. – Надеюсь, тебе никогда не придется этого делать. Ты знаешь, на что я иду и ради чего так рискую». По выражению лица герцога Пол видел, что тот всецело осознает опасность, которой себя подвергает – добровольно, во имя Империи.

Теперь Пол пытался заснуть в невыносимой духоте, чувствуя, как липкий пот стекает по коже. Жара стояла не по сезону – обычно морской ветер носился над водой, снижая температуру вдоль побережья. Как назло, механическая система воздушного охлаждения замка сломалась именно сейчас. Каладанские инженеры осмотрели механизм, ознакомились с инструкциями, предоставленными иксианским производителем, и извинились перед молодым человеком за то, что ремонт невозможен без получения деталей с другой планеты.

Пол не был изнеженным дворянским сынком, поэтому вполне мог пережить подобное неудобство, предпочитая всегда приспосабливаться к погоде и не обращать на нее внимания – ведь человек сильнее стихии! Распахнутые окна и морской бриз его только радовали. Совершая вместе с отцом вылазки в дикую природу, юноша чувствовал себя прекрасно под открытым небом.

По соображениям безопасности, а также из-за необходимости вести себя, как подобает наследнику, Пол не мог бродить в одиночестве где вздумается. Ему предстояло играть роль молодого аристократа, живущего в древнем замке и готового в любой момент занять место Лето. Этого ожидал от него отец, этого требовал и старый герцог Паулус Атрейдес от своего собственного сына поколение назад. Ради отца Пол готов был оправдать эти ожидания, хотя сам он скорее склонялся к поступкам, неожиданным для окружающих.

Юноша ерзал и ворочался в темноте, то и дело вытирая пот со лба. Наконец он встал с кровати и вынес простыню и подушку на маленький балкон спальни, где улегся в одной тонкой рубашке прямо на пол. Твердая кафельная плитка все еще хранила дневное тепло. Вздохнув, Пол взглянул на мерцающие кристаллы звезд в ясном ночном небе. Названия многих он знал – ему рассказывали отец и доктор Юэ. Сейлле, Икам, Джилар и множество других – все они входили в огромную галактическую Империю. Но в это время года над головой не было видно ни одной яркой звезды, принадлежавшей кому-либо из могущественных знатных фамилий. Каладан располагался не слишком удачно: физически вдали от Кайтэйна – столицы, и в стороне от всех крупных грузовых и пассажирских маршрутов. Другие Великие Дома Ландсраада тоже находились в неблагоприятных местах, но кое-кому даже в этом удалось переплунуть остальных. Пол невольно задумался о будущем Дома Атрейдесов и о собственной роли во всей этой разворачивающейся истории.

Вдруг он услышал хлопанье крыльев. Один из дрессированных ястребов отца приземлился на каменные перила балкона. Великолепная птица искоса взглянула на Пола в полумраке, затем приняла позу стража, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Пол догадался, что ястреб прилетел не случайно. Начальник службы безопасности Атрейдесов, Сафир Хават, каким-то образом узнал, что юноша вышел на балкон, и послал к нему ястреба. Старый воин-ментат и его подручные усиленно тренировали птиц последние недели, обучая их по специальной программе, разработанной герцогом. На теле каждой птицы закрепили особое оборудование для наблюдения. Сафир вечно беспокоился о благополучии Пола, жалуясь на «ненужный риск», которому подвергает себя четырнадцатилетний подросток, взбираясь на крутые скалы и летая на самолете над морем во время опасных штормов. В таких рискованных предприятиях Пола всегда сопровождал Дункан Айдахо, называя их «маневрами, направленными на развитие способностей молодого человека». Он поклялся никогда не допустить, чтобы Пол получил травму, но даже Дункана это тревожило. «Возможно, мы заходим слишком

далеко, – говорил Мастер меча, сопровождая мальчика. – Сафир не против ваших тренировок, но в разумных пределах».

Ментат следил за наследником Дома Атрейдесов как ястреб, выражаясь фигурально, – а теперь еще и буквально.

Пол протянул руку к птице, сидящей на перилах. Та посмотрела на него и снова отвела взгляд, продолжая нести караульную службу. Пол видел маленькие линзы на ее перьях, передатчик на горле. Несомненно, старый ментат прямо сейчас наблюдает за ним.

– Сафир, я вполне способен сам о себе позаботиться на балконе собственного замка!

Из передатчика донесся тихий, но вполне различимый голос:

– Забота о вашей безопасности не может быть «чрезмерной», молодой господин. Если под моим присмотром с вами случится беда, значит, мои навыки ничего не стоят. Желаю вам спокойной ночи.

Пол со вздохом откинулся на подушку.

– Ох, Сафир... Благодарю за службу!

Он использовал ментальную технику Бинэ Гессерит, которой обучила его мать, чтобы прогнать тревожные мысли и провалиться в сонные глубины. Тело ныло после очередного долгого дня тренировок с Дунканом. Овеваемый теплым морским бризом, под бдительным оком ястреба, Пол погружался в темноту, которая постепенно сменилась пейзажем пустыни – яркое солнце над раскаленными дюнами. Он стоял посреди песчаного пространства и, шурясь, смотрел на каменистый косогор, опаленный солнцем. В этом далеком месте, во сне – было утро, но уже жаркое, предвещающее еще один знойный день.

Изящная фигурка в конденс-костюме ловко спускалась по тропе с горы. У подножия капюшон съехал с головы, открывая взору эльфийские черты молодой женщины – с кожей более темной, чем у Пола, и спутанными пыльными волосами. Он видел ее раньше в предыдущих снах, и голос тоже был знакомым – шелестящим, как пустынный ветерок. «Расскажи мне о морях из твоего родного мира, Усул».

Это повторялось множество раз, во всех возможных вариациях, и Пол чувствовал, что это нечто большее, чем просто сон. Он всегда просыпался, не досмотрев до конца. На этот раз ему удалось задержаться в иной реальности подольше, но пока он пытался во сне что-то произнести в ответ, задать вопросы, окружающий пейзаж и загадочная молодая женщина исчезли из виду.

Много позже, уже посреди ночи, когда бриз стал влажным и холодным, Пол проснулся и какое-то время лежал без сна, вновь прибегая к мыслительным упражнениям. Он пересчитал своих предков-вельмож из Дома Атрейдесов. Этот замок над морем, построенный графом Каниусом, знал целых двадцать шесть поколений Атрейдесов. Каниус не был первым из своего рода правителем Каладана, зато основал огромную крепость на этом скалистом мысу, работав грандиозный проект всего в девятнадцать лет – немногим больше, чем Полу теперь.

Граф Каниус более десяти лет наблюдал за строительством замка – пока тот не был полностью готов, вместе с живописными садами и процветающей прибрежной деревней. Пол вспомнил изображение лица своего предка из книгофильма, а затем всех его преемников вплоть до Паулуса Атрейдеса, своего деда, портрет которого висел в обеденном зале. Но когда юноша попытался представить следующий образ в этом ряду – своего отца, то получилось увидеть лишь нечеткие, смазанные очертания. Он очень скучал по отцу и надеялся, что тот вскоре вернется домой. Он словно чувствовал сейчас тяжкое бремя колоссальных трудов, сделанных Каниусом и другими своими предками – всех планов, которые они воплотили в жизнь, и решений, которые приняли, дабы укрепить могущество Великого Дома. Наконец он погрузился в глубокий, беспокойный сон.

В Империи всякий скрывает свои секреты, но самые разрушительные не просто скрыты – они глубоко похоронены вместе со всеми свидетелями.

Граф Хасимир Фенринг, из личного письма к Шаддаму IV

На планете Элегия имелись и прекрасные леса, и реки, и озера, но Джессика не ощущала ее настоящим домом, а все эти красоты не шли ни в какое сравнение с океанским миром Каладана. Джессика пыталась утешать себя мыслью – вернее, *надеждой* – что она тут временная гостя и вскоре вернется к герцогу Лето и их сыну Полу. Но с каждым днем вдали от семьи она все больше обживалась здесь, все сильнее погружаясь в жизнь виконта Джандро Тулла в качестве его наложницы – по приказу Ордена сестер Бинэ Гессерит.

Пребывая в тревоге, сейчас она сидела в небольшом, но превосходно обставленном кабинете, который ей предоставил красавец виконт. Маленькое административное здание отделяла от господского дома рощица лишайниковых деревьев. Кабинет самого Джандро находился дальше по коридору, и Джессика могла наблюдать за неиссякаемым потоком разнообразных должностных лиц, снующих туда-сюда, среди которых было удивительно много военных в форме. Несмотря на внешние признаки обычных будничных дел, теперь Джессика знала об истинных планах аристократа.

Несколько дней назад, тайком пробравшись через лес, чтобы проследить за виконтом Туллом, усакавшим куда-то на своем породистом жеребце, Джессика увидела, как Джандро принимает партию оружия в секретном подземном бункере. Так она выяснила, что Джандро Тулл тихо поддерживает жестокое восстание Союза Благородных. Это открытие все меняло в их отношениях, но с тех пор, как виконт помог ей с ее собственной миссией по спасению Пола, Джессика была многим обязана этому человеку. После вопроса в лоб Джандро посвятил ее в свои планы, но все же умолчал о глубоко личных причинах, по которым решил поддержать свержение Коррино с трона. Оба они пока еще привыкали к своим новым ролям и союзническим связям.

Джессика принялась от руки заполнять бланки заказов на лишайниковой бумаге, подшивая их в учетную книгу – устаревший метод, но это занятие казалось ей глотком свежего воздуха. Герцог Лето тоже вел большую часть своей документации вручную.

Доверившись Джессике и учитывая, что отныне у них общие тайны, Джандро возложил на нее новые хозяйственные обязанности, попросив помогать с заказом припасов. Она отнеслась к этой работе как к прекрасной маскировке – виконт предоставил ей свободу приобретать все, что она сочтет нужным. Из чувства ностальгии она хотела заказать партию лунной рыбы с Каладана, однако узнала, что этого продукта больше нет в наличии. Джессика задумалась – что же происходит на той планете, которую она продолжала считать своим домом.

Дела Джандро Тулла процветали, и некоторые его деловые связи имели тайное отношение к восстанию. Теперь, когда сардаукары проверили его бизнес и не нашли ничего предосудительного, он совсем осмелел. Кажется, его открытая поддержка Якссона Ару началась вскоре после этого. Но Джессика все равно не понимала, зачем ему это надо.

За то короткое время, что она знала этого вельможу, она прониклась к нему уважением и даже полюбила его – в известной степени, которую сама определяла. Хотя виконт и объявил ее публично своей наложницей – что вполне удовлетворяло Бинэ Гессерит и прочих наблюдателей, – он не проявлял никакого романтического или сексуального интереса ни к ней, ни к кому-либо еще.

Их отношения были иными, чем казались многим людям, но оба извлекали из них большую пользу для себя. И пусть другие думают, что хотят. А Джессика тем временем постарается сделать все возможное, чтобы изменить свое задание и вернуться к Лето и Полу.

Она вздохнула. Возможно, при других обстоятельствах она согласилась бы остаться в Доме Туллов. Но только не после того, как познакомилась с Лето. Именно в нем, в герцоге Каладана, Джессика нашла партнера настолько близкого к идеалу, насколько могла представить... Она была в этом уверена даже после ужасной ссоры, которая их разлучила. Хотя она знала, что Лето усомнился в ней, ее любовь к нему не проходила. Она уже запятнала себя в глазах Сестер, решив родить герцогу желанного сына вместо дочери, как ей было приказано Орденом...

В коридоре перед кабинетом Джессики что-то с шумом упало, и мимо пробежал военный в форме. Подняв взгляд, она увидела, как тот присел на корточки, собирая рассыпавшиеся бумаги и запихивая их в кожаный портфель. Это был один из воинов-телохранителей, присоединившихся к Джандро в горах во время незаконной передачи оружия. Собрав бумаги с пола, военный поспешил в кабинет виконта. Джессика заметила, что одна из отлетевших бумаг скользнула под ее дверь – какой-то технический чертеж. Она подняла его, но офицер уже нырнул в кабинет виконта. По спине Джессики пробежал холодок, когда она взглянула на изображение – похоже, это как-то связано с тайными поставками оружия и новым военным проектом.

Вспомнив взволнованно-торопливое выражение на лице мужчины, она быстро прошла по коридору, чтобы отдать потерянный документ. Когда она протиснулась мимо клерка, охранявшего кабинет виконта, тот испуганно окликнул ее, будто не узнал новую наложницу.

Услышав суматоху, Джандро открыл внутреннюю дверь и наткнулся на пристальный взгляд:

– Джессика! Что случилось?

В кабинете, стоя у широкого деревянного стола, взволнованный офицер перебирал документы.

Джессика вскинула руку с чертежом:

– Мне кажется, это что-то важное.

Офицер в ужасе поднял глаза от стола.

– Я... я из-звиняюсь, милорд! Непростительная оплошность с моей стороны!

– Но нечаянная. – Джандро провел Джессику внутрь, ободряюще кивнув смущенному клерку в приемной, и закрыл за собой дверь. – Нам повезло, что документ нашла Джессика, а не кто-то еще, кто мог бы причинить нам вред.

Джессика потупила взор, изображая скромность:

– Я не претендую на важную политическую роль.

Она заметила голубой спиральный герб Туллов в центре стола, частично заваленный бумагами.

– Истинная мудрость Бинэ Гессерит, – кивнул виконт. – Но, разумеется, я ценю твое мнение и здравый смысл. Это леф-майор Залдир, один из наших экспертов по новому проекту. – Он бросил на офицера многозначительный взгляд. – Джессика полностью осведомлена о наших планах, и я ей безоговорочно доверяю.

Залдир одновременно и удивился, и встревожился.

– Она в курсе даже... даже этого плана, сэр?

– Даже этого.

Джессика взглянула на чертеж.

– Я не знакома с данным проектом. Я видела предыдущую поставку оружия, хотя и не должна была. Там что, были и эти устройства?

Джандро одарил ее теплой улыбкой.

– Огорчает, что ты шпионила за мной, и еще сильнее огорчает, что тебе это удалось, но в конце концов, что ни делается, то к лучшему. То, что ты в курсе наших стараний, многое облегчает для нас.

Залдир взял чертеж и вложил его на правильное место среди других бумаг. Он выглядел взволнованно.

– Первые прототипы нейтрализаторов защиты упакованы и готовы к отправке. – Он снова посмотрел на Джессику, и на его лбу выступили капли пота. – Она... она знает и о...

– Да, ей известно, что новая партия отправится Якссону Ару.

Джессика сохранила невозмутимое выражение лица. На самом деле она этого не знала.

– Мне не нравится манера этого человека делать громкие и кровавые заявления, – глухо произнесла она. Лето был одним из случайных свидетелей, которые чудом спаслись от резни на Оторио. Тогда было убито множество других людей, и этот инцидент сильно на него повлиял.

Встревоженный такой ее явной сдержанностью, Джандро молча указал Джессике на стул рядом с леф-майором. Старинные стулья также украшал герб Туллов. Нахмурившись, виконт произнес:

– Хотя я и поддерживаю Союз Благородных – по достаточным для меня на то причинам, – я не всегда согласен с тактикой Якссона. Я предпочитаю менее жестокий, но более эффективный подход. Поэтому новое оружие предназначено для оборонительных целей, а не для агрессии. – Он оглядел кабинет, будто хотел убедиться в собственной безопасности. – Это помещение изолировано и экранировано. Мы можем все обсуждать свободно. Леф-майор, расскажите Джессике о нейтрализаторах.

Залдир, казалось, все еще сомневался в том, достойна ли Джессика столь высокого доверия, однако придвинул к себе технические документы.

– Эти устройства уравнивают шансы и дают нашим союзникам возможность уверенно противостоять намного более подготовленным противникам-имперцам. – Его явно более интересовали технические вопросы, нежели военная субординация, и чем дольше он говорил, тем оживленнее становился. – Наш гениально спроектированный новый нейтрализатор может вызывать замыкание в личных защитных экранах, в определенном радиусе действия. Как только такое устройство будет активировано, наши противники станут уязвимы для обыкновенного метательного оружия – игольчатых ружей, старинных пистолетов. Это уязвимость, которой они не ожидают. Представьте себе непобедимого сардаукара, внезапно скошенного простыми пулями!

Джессика кивнула, ухватив суть. Изобретение и использование персональных защитных экранов мгновенно сделало все метательное оружие устаревшим для серьезных сражений – на тысячи лет. Никому и в голову не придет от него защищаться. Появление нейтрализаторов Тулла повлечет за собой фундаментальные изменения в методах ведения войны – в который раз.

Виконт пролистал отчет.

– Понятно, на более мощные пятислойные экраны и защиту домов это не повлияет. Но в личном бою – о, какой сюрприз!

Джессика кивнула.

– Сардаукары понятия не имеют, что у повстанцев будет такая штука. Если даже они выследят Якссона Ару или базу Союза Благородных, то пойдут в лобовую атаку. – Она позволила себе чуть заметную улыбку. – И тем самым подставят себя под удар!

Во время своего недавнего тайного путешествия на Каладан ради спасения Пола она говорила с ним, но Лето уже отбыл в собственную тайную миссию. Связанный словом, Пол не выдал ей, что задумал его отец, однако Джессика улавливала от Джандро Тулла намеки на то, что Лето, возможно, тоже пытается заигрывать с повстанцами. Это казалось невозможным... разве что у Лето имеются какие-то свои причины.

Подняв взгляд, она увидела, как глаза виконта загорелись идеей.

– Мы отправим партию прототипов нейтрализатора в точку встречи, где Якссон сможет их забрать и раздать повстанцам, – сказал Джандро. – Я запишу для него сообщение, чтобы он понимал всю важность этих устройств!

Леф-майор Залдир собирал бумаги.

– Ящики без опознавательных знаков сложены у ваших конюшен, милорд. Служба безопасности очистит территорию, чтобы вы смогли записать там свое сообщение. Мы зашифруем его и закодируем в ридулианском кристалле так, чтобы никто, кроме Якссона Ару, не смог активировать запись.

Джандро поднялся со своего кресла за антикварным письменным столом.

– Джессика будет со мной во время выступления. Я хочу, чтобы моя новая наложница стояла рядом!

Джессика ощутила внезапную вспышку тревоги. Вдруг Лето увидит это послание, если он и впрямь накоротке с лидером повстанцев?

– Я бы не хотела, чтобы меня выставляли на всеобщее обозрение, милорд.

Виконт усмехнулся, не понимая истинной причины ее беспокойства.

– Не волнуйся, это будет самое личное обращение из возможных.

Он надел коричневый военный китель с серебристо-золотыми эполетами и кантом. И принялся набрасывать текст своего послания.

Оценивайте нас не по словам, а по поступкам – и даже они зависят от обстоятельств. Никто посторонний никогда не сможет узнать тайные стремления наших сердец.

Книга «Азхар» Бинэ Гессерит. Пояснения для изучающих

Директор КАНИКТ Малина Ару боялась, что даже надежная крепость Картеля на Танегаарде не сможет ее защитить. Особенно теперь, когда Якссон был убежден, что мать поддерживает его дело. Он верил, что она одобряет насильственное свержение Коррино и погружение Империи в хаос – вместо постепенных государственных преобразований. Покинув секретный командный центр повстанцев на изолированном Носсусе, Малина отправилась сюда, на Танегаард, чтобы встретиться с двумя другими своими детьми – заслуживающими доверия. Вместе они смогли бы обсудить, что делать с этой пугающей радикальной фракцией. Директор надеялась, что не одинока в своих сомнениях.

Ее личный челнок выскользнул из рейсового лайнера Гильдии над Танегаардом. Поскольку Малина была директором Картеля, она могла изменить маршрут по своей надобности. После того, что она видела и слышала на Носсусе, ее не волновали возможные неудобства для других, даже самых влиятельных Домов Ландсраада. Выбросив ее транспорт, огромное судно покинуло орбиту, Навигатор раздвинул складки пространства и лайнер продолжил путь. Пассажиры на борту, вероятно, даже не знали о том, что сделали крюк.

Франкос и Джалма тоже находились в дороге. Как номинальный президент КАНИКТ, ее сын Франкос потянул за те же ниточки, чтобы поспешить на Танегаард. Джалма, как влиятельная леди Дома Учан, также смогла организовать себе быструю транспортировку. Когда мать созывала их на совещание, она использовала кодовое слово, означавшее «призыв к оружию». Малина не сомневалась, что оба примчатся на зов.

За Якссоном нужен глаз да глаз.

Личный пилот, служивший ей долгое время, знал, что госпожа не любит пустой болтовни. Хладнокровно и профессионально он держал курс к циклопическим зданиям на поверхности планеты – огромным блочным сооружениям, которые выглядели так, будто могли выдержать взрыв сверхновой. Малина рассеянно смотрела в иллюминатор, поглаживая по серебристым загарам двух своих гончих псов – Хара и Кара. Питомцы растянулись на палубе возле ее ног, довольные, что путешествуют вместе с хозяйкой.

В бронированных хранилищах Танегаарда под кодовыми замками содержались секретные финансовые, деловые и личные записи, к которым не имел доступа ни один житель других планет Империи – даже сам Император. По большей части эта информация была конфиденциальной, компрометирующей и даже изобличающей, но хранилища Картеля считались надежными. Без уверенности в полной секретности многие Дома Ландсраада прекратили бы вести бизнес. Если бы Шаддам попытался использовать силу, чтобы предоставить какую-либо информацию суду ради сиюминутной политической выгоды, любой из директоров Картеля просто уничтожил бы записи, но не отдал их.

Еще на заре существования Империи администраторы КАНИКТ выкупили Танегаард – малоизвестную планету с ничем не примечательными природными ресурсами. Картель превратил свою корпоративную штаб-квартиру на ней в неприступную цитадель. Живущие здесь чиновники служили Картелю поколениями. Очень немногие из них когда-либо покидали планету, да и не изъявляли на это никакого желания. Они жили в своих анклавах, огороженных высокими стенами, и держали руку на деловом пульсе всей галактической империи, охватывающей миллион миров.

Челнок плавно снижался в ночном небе. Как ур-директор, Малина была обязана провести встречи со своими основными секретарями, начальниками отделов и коммерческими директорами, но не могла раскрыть истинную причину совещания с Джалмой и Франкосом. Давняя причастность Малины к более массовому и умеренному движению Союза Благородных была тщательно хранимым секретом. И если эту связь когда-либо раскроют, будет разрушено не только ее личное положение, но и положение КАНИКТ в Империи. А любая поддержка Якссона губительней еще в тысячу раз.

Челнок приземлился на приемную площадку гигантского центрального здания высотой в двадцать этажей. Малина вышла из корабля, сопровождаемая бдительными собаками. Она окинула взглядом впечатляющий фасад цитадели, напоминающий отвесный утес. Камень выглядел гладким и неприступным, а бронированные стены казались достаточно прочными, чтобы выдержать даже удар упавшего космического корабля. По крайней мере, так ей говорили.

Здание цитадели было напиговано сводчатыми конференц-залами, комнатами для встреч и личными кабинетами, а также библиотеками с разнообразными данными на проводочных катушках и тонких листах ридулианских кристаллов. Архивы простирались на многие мили во все стороны, и только полчища библиотекарей-ментатов понимали их организационную структуру и могли найти любую информацию, хранящуюся там.

Когорта советников и управляющих по-военному выстроилась под корпоративными флагами Картеля – с черными, красными и желтыми кругами. Высокопоставленный адъютант – Холтон Тассэ – шагнул к Малине и отвесил энергичный поклон, делая вид, что не замечает пару свирепых ищеек. Считаясь в Картеле функционером средней руки, этот человек тем не менее обладал большим влиянием, чем половина Домов Ландсраада, вместе взятых. В прошлом Малина во многом полагалась на него.

– Госпожа директор, как только мы узнали о вашем визите, то скорректировали свой рабочий график. Мы можем перенести столько встреч, сколько вы пожелаете. У некоторых представителей запланированы переговоры с вами. Мы постараемся сократить их до пяти минут.

– Сведите изменения к минимуму, – произнесла Малина, проходя мимо него в сопровождении ищущих, следующих за ней по пятам. – Я готова на все ради блага компании, однако я не только директор, но и мать. Джалма и Франкос для меня на первом месте. Когда они придут, отправьте их ко мне и отмените что-нибудь другое в моем расписании.

Она зашагала через лабиринт офисов, административных отделов и комнат для совещаний. Бесконечные коридоры были достаточно широки, чтобы в них хватало места для медленно движущихся монорельсовых тележек, доставляющих грузы и пассажиров из офиса в офис. Малина повернулась к Тассэ:

– Организуйте мою первую конференцию через полчаса. Давайте сделаем все, что в наших силах.

Малина помнила нетерпеливую улыбку Якссона, которую видела на Носсусе, когда сын хвастался своими опасными планами. Довольный ее кажущейся поддержкой, он устроил целое шоу из знакомства с радикально настроенными личностями из своего ближайшего окружения. Все они ранее были сторонниками общего движения Союза Благородных, но Малина не подозревала, что они настолько нетерпеливы, чтобы примкнуть к воинствующей группе ее сына. Среди прочих участников были главы своих Домов: Лондин, Фенимер, Мамфорд, Майер, Вок, Эллисон и даже недавно вступивший виконт Джандро Тулл. Но больше всего Якссон гордился своим новым союзом с герцогом Лето Атрейдесом с Каладана – человеком, известным как приверженец кодекса чести. То, что герцог поддерживает не только Союз Благородных, но и экстремистское течение Якссона, красноречиво говорило о их общей ненависти к Императору Коррино...

Однако Малина умела владеть своими чувствами. В последующие несколько часов она провела шесть встреч подряд в конференц-зале без окон и с единственной толстой металлической дверью, а ее деловые партнеры ни за что бы не догадались, что она думает о чем-то другом. Госпожа директор, несомненно, уделяла им все свое внимание, и они ушли довольные. В любое другое время эти переговоры показались бы ей важными, но сейчас все померкло перед более приоритетными задачами. Собаки, чувствуя ее беспокойство, были настороже, наострив уши.

Малина съела прекрасный ужин, в течение которого продолжала решать деловые вопросы, затем провела еще несколько встреч и, наконец, была вынуждена поспать. Следующее утро началось с серии коротких консультаций в ее главном кабинете, не дольше пяти минут на каждого посетителя, как и обещал Тассэ. Она чувствовала, что становится все более напряженной, обеспокоенной и нетерпеливой.

После того, как подчиненные более низкого уровня удалились исполнять ее распоряжения, Холтон Тассэ приблизился на шаг и произнес:

– В ваше отсутствие мы выяснили кое-что неприятное, госпожа директор. – Он положил документ на стол. – Вот рапорт.

Малина просмотрела краткую сводку, затем подняла на него взгляд. Ее лицу стало жарко.

– Нарушение безопасности в центральном хранилище? Наши «черные» архивы? – Она не смогла скрыть тревоги. Там содержались самые взрывоопасные, обличающие записи, которые КАНИКТ хранил только в качестве последнего средства для контроля над несговорчивыми Домами, и даже над Императором.

– Я приказал провести расследование сразу же, как только мы об этом узнали, хотя нарушение, вероятно, произошло какое-то время назад. – Тассэ возвышался над ней, нервно проводя рукой по своим вьющимся светлым волосам, редющим на макушке. – Преступление было хорошо спланировано и скрыто, но мы применили новый криминалистический метод, позволяющий работать с данными на более глубоком уровне.

– Кто это сделал? Как это случилось? Ведь это «черные» архивы!

Тассэ оглянулся, дабы убедиться, что все остальные помощники вышли. Лишь в приемной несколько представителей предприятий ожидали своей очереди на аудиенцию.

– Кто-то обошел коды безопасности, госпожа директор. Достаточно умный, чтобы не оставить никаких подсказок о себе. Данные, очевидно, скопированы, а не украдены или уничтожены.

– Предполагалось, что это наши самые защищенные данные в самом надежном хранилище! – Малина кипела от злости, зная, что содержится в «черных» архивах: протекционизм и коррупция в Империи, самые ужасные методы шантажа, компрометирующие тайные сделки – система, благодаря которой некоторые Дома оказывались наверху, а другие – внизу.

Она глубоко вздохнула.

– У меня и без того хватает забот! Если «черные» архивы будут обнародованы, начнется кровопролитная гражданская война. Какую цель преследовали преступники? Мы получали какие-либо угрозы или ультиматумы?

– Нет, ничего такого. И это очень странно.

Малина поднялась со стула и, поскольку новая проблема требовала решения, отменила все дальнейшие встречи на сегодня, к большому неудовольствию тех, кто считал, что их дела безотлагательны. Тассэ было велено продолжать расследование.

К концу дня Франкос и Джалма прибыли на Танегаард. Увидев, что Малина не в духе, они казались встревоженными, но послушными, готовыми выполнить все, о чем попросит их мать – и ур-директор.

Малина объявила, что займет защищенный конференц-зал, и расположилась там вместе с дочерью и старшим сыном. Ищейки заняли свои места у двери.

Хотя Малина довольно давно не виделась с детьми, она даже не потянулась, чтобы обнять их, и не проявила какой-либо материнской теплоты. В семье Ару такие нежности не практиковались. Ее дети были могущественными, богатыми, амбициозными и довольными, но привыкли обходиться без смеха, объятий и поцелуев. Вместо этого мать повернулась к ним лицом, встретила их пытливые взгляды и долгое время хранила молчание.

Франкос был высоким и сухопарым и выглядел молодо, несмотря на сдержанные манеры и седину в длинных волосах. Джалма, напротив, свои темные волосы стригла коротко и одевалась в консервативном стиле, принятом на Плиссе. Будучи номинальным президентом Картеля, Франкос научился справляться со своими эмоциями и играть в тонкие политические игры, однако Джалма иногда по примеру младшего брата проявляла нетерпение – например, когда организовала убийство своего дряхлого мужа, много лет стоявшего одной ногой в могиле, но не спешившего туда окончательно.

– Зачем ты созвала нас, мама? – спросила Джалма. – Ты сорвала меня с важных переговоров в Хедервуде, а Франкос вел межпланетный саммит в Серебряной игле на Кайтэйне.

Малина не стала оправдываться, а просто сложила перед собой руки на столе. Пока она не получит больше информации о дыре в защите архивов, она не будет об этом упоминать. На данный момент она решила ограничиться изначальной целью вызова детей.

– Я бы и сама предпочла сейчас оказаться дома на Тупиле, но дело касается Якссона. Я только что встречалась с ним и его командой опасных мятежников, и я точно знаю, что они замышляют. – Она прищурила глаза. – А еще я знаю, что вы оба в частных беседах заявляли, что поддерживаете его. Так что же, вы действительно настолько недовольны подпольной деятельностью Союза Благородных? Неужели вы не можете дождаться роспуска Империи тем способом, который продвигаем мы?

Кипя от злости, Джалма откинулась на спинку стула, одернула на груди свое чопорное глухое платье и ничего не ответила.

Франкос выглядел смущенным:

– Он приходил к нам, мама, к каждому по отдельности, и объяснил свой план, как это можно ускорить. Я выслушал его, но не вполне поддержал. Он умеет... э-э... подавить собеседника.

Джалма расстроено поморщилась:

– Мы просто подыграли ему, мама. Ты же знаешь, как опасно не слушать Якссона. Мы притворились, что с ним согласны. – Она раздраженно вздохнула. – Я только что добила контроль над всем правительством Плиссы – думаешь, мне очень надо, чтобы он закидывал нас из космоса своими очередными грандиозными идеями?

– Возможно, Якссон решил, что мы заинтересованы, даже если прямо не поддерживаем, но мы его не обнадеживали на этот счет, – вставил Франкос.

– Конечно, мы были бы заинтересованы – если бы я верила, что он сможет добиться успеха, – добавила Джалма. – Тогда Империя преобразовалась бы на столетие раньше, чем по другому нашему плану. Союз Благородных стал бы реальной силой, а не теоретической.

Малина медленно и внимательно переводила взгляд с одного на другого.

– Как Якссон привел тебя в свой новый мир-убежище? – нахмурившись, спросил Франкос. – Он держит его местонахождение в строжайшей тайне.

– Он пришел ко мне с тем же предложением, что и к вам, – ответила Малина. Затем одарила детей снисходительной улыбкой. – И я тоже его выслушала. Я не могу закрывать глаза на то, что его маргинальная группировка набирает поддержку и влияние. Если бы я могла по щелчку пальцев избавиться от Коррино и освободить миллион планет, разумеется, я так бы и сделала. Но Якссон опасен. Я осудила его перед всем Ландсраадам – и как официальное лицо КАНИКТ, и как мать. И все же я достаточно мудра, чтобы использовать его растущую популярность в наших собственных целях, если он сможет помочь нашему движению. Вот почему я отправилась на Носсус и притворилась, что одобряю его экстремистский подход. Я видела масштабы этой жестокой отколовшейся группы. – Она снова сузила глаза, окидывая детей пронзительным взглядом. – А вы что думаете по этому поводу?

С облегчением Малина увидела, что их возмущение и отрицание не были притворными.

– Дело в том, мама, что мы его боимся, – признался Франкос.

Джалма выпрямилась на стуле:

– Он как огромный камень, катящийся с горы, и я не хочу вставать у него на пути. Я не смогла бы остановить его, даже если бы попыталась.

– Вопрос в том, стоит ли пытаться его остановить, или лучше искренне поддержать его альтернативный подход к делу, – подытожила Малина. – Вот то, что мы должны решить.

Маскарад может как служить легкомысленным развлечением, так и использоваться в смертельно опасных целях. Самый большой риск в том, что забываешь, когда пора снять маску.

Герцог Лето Атрейдес. Из писем сыну и наследнику

Планета Носсус выглядела тихой и пасторальной – с широкими лугами, высокими зарослями колючей травы и кочующими стадами животных. Голубое ясное небо было обманчиво мирным.

Лето знал, что все это иллюзия.

Якссон Ару и его пламенные революционеры избрали эту отдаленную планету для вынашивания замыслов по насильственному развалу Империи. Лето притворялся, что вступил в их раскольническую группировку, хотя это шло вразрез с его совестью. Он подыгрывал решительной одержимости Якссона, делая вид, что согласен с их вендеттой в отношении Дома Коррино.

И Якссон поверил в его искренность. Он рассматривал вербовку герцога Лето как лучшее подтверждение правильности собственного пути. Теперь Лето чувствовал себя запертым в львином логове, но ему приходилось продолжать этот маскарад, чтобы завоевать доверие и разрушить планы врага. Сардаукарам Императора не удалось вырвать ростки восстания с корнем, но Лето, возможно, сумеет это сделать. Никто еще не подбирался к мятежникам так близко.

На широкой пустоши Якссон устроил поместье с домом, примыкающим к нему ангаром и несколькими акрами посевов, за которыми ухаживали так называемые «фермеры», на самом деле являющиеся его частной армией фанатиков. Поначалу костяк группировки относился к Лето с некоторым подозрением, но искреннее расположение к нему Якссона развеяло большинство сомнений. Лидер повстанцев, казалось, нуждался в одобрении и друге.

Малина Ару недавно покинула планету после встречи с небольшим ядром группы из самых решительных бунтарей. Лето был ошарашен, узнав, что щупальца Союза Благородных простираются до самого руководства КАНИКТ. Он оставался начеку, чтобы выяснить каждую деталь их планов, но сам держал язык за зубами.

Мать Якссона была проницательной деловой дамой, осторожной в оценках, умеющей скрывать свои истинные мысли и эмоции. С учетом этого Лето задумывался, искренне ли она одобряет действия своего сына – паршивой овцы. На встрече с главными повстанцами она говорила осмотрительно, давала расплывчатые обещания, которые оставляли небольшую лазейку. После того, как госпожа директор отбыла по неотложным делам Картеля, прочие заговорщики оставались на Носсусе, чтобы завершить свои приготовления, хотя тоже вскоре собирались улетать.

Лето получил доступ в ближний круг Якссона. После нескольких дней восторженных дебатов с утра до ночи другие повстанцы завалились спать в ожидании очередного прибытия рейсового межпланетного лайнера. Якссон, однако, поднялся рано и увидел, что Лето уже проснулся и пьет кофе на кухне главного дома.

Лидер повстанцев тепло улыбнулся герцогу.

– Пойдем, Лето, я покажу тебе совершенно особенное место. – Похоже, он пытался закрепить их дружбу.

Лето был настороже.

– У нас что, какие-то тайны от остальных?

– Я просто хочу тебе кое-что показать. Кое-что... очень личное.

Подыгрывая ему, Лето вышел вслед за ним из дома. Они миновали недавно построенный ангар за главным зданием. Внутри бригада рабочих с лазерными резаками и сваркой переделывала приметный корабль императорского казначейства, который Якссон каким-то образом подменил во время нападения на дворец. Вместе с ним в его руки попало целое состояние в монетах-соляриях, которые были уже распределены для финансирования деятельности повстанцев.

Якссон остановился и заглянул в открытый ангар.

– Они закончат переоборудование судна довольно скоро. Установят новый комплект двигателей, и все будет готово к полету – когда и куда я захочу.

Лето уставился на необычный корабль.

– Ты это хотел мне показать?

Якссон пренебрежительно махнул рукой:

– Нет, не это. Пойдем дальше.

На холме за главным домом он завел Лето в рощу хилых оливковых деревьев. Якссон с явным благоговением касался их серо-зеленых листьев. Лето смотрел и слушал, подумав, что лидер повстанцев сам решит, когда нарушить молчание. Якссон обычно привык выдавать пламенные речи и скандальные предложения, но, когда он наконец заговорил сейчас, это был задумчивый шепот.

– В поместье моей семьи на Оторио была многовековая оливковая роща, с большими деревьями. Казалось, что они излучают мир и покой. – Якссон глубоко вздохнул. – И в той нашей священной фамильной роще я понял свое предназначение во вселенной. Все идет так, как и должно быть.

– И ты пытаешься воссоздать такую же здесь? – спросил Лето, пока они шагали вдоль деревьев.

– Здешним деревьям всего несколько лет, но они могут жить столетиями, – сказал Якссон. – Мой отец был похоронен в нашей оливковой роще на Оторио. Я часто сидел у его могилы и думал обо всем, чему он меня научил. Моя мать и все в Картеле считали его позором семьи, но они просто не понимали его. – Он покачал головой. – Когда отец умер, мать втянула меня в дела Картеля. Хотела вылепить из меня такого же зомби, как из Франкоса и Джалмы. Она приводила меня в архив крепости КАНИКТ на Танегаарде и заставляла сидеть на бесконечных собраниях в Серебряной игле на Кайтэйне. Сделала мне полный доступ всюду и помогала разобраться в тонкостях этой великой галактической компании.

– И ей это удалось?

– Моя мать не учла, что я быстро схватываю истинную суть происходящего. – Якссон присел рядом с небольшим деревом, поглаживая его серый ствол. Казалось, он представляет эту оливковую рощу такой же большой и древней. – Я был далеко от семейного поместья, когда Шаддам Коррино решил аннексировать Оторио. Он снес под корень и перепахал нашу прекрасную оливковую рощу. Он осквернил могилу отца и построил на ней свой музей. – В его словах слышалась невыносимая горечь. – Мать хотела подточить Империю и постепенно изменить политическую систему. Именно тогда я решил ускорить ее стремления. – Он натянуто усмехнулся. – Я рад, что теперь она верит, что мой путь – это лучшая дорога к будущему, к разрушению прогнившей Империи, к общей свободе и всеобщему процветанию. – Он хлопнул Лето по плечу. – А ты должен помочь мне в этом, друг мой. Нас обоих ждут великие дела!

– Мы уже многого добились, – сказал Лето. – Я считаю, что наши усилия на Иссимо III не пропали даром. Это лучшее доказательство того, что альтернативные пути работают.

На лице Якссона появилось напряженное выражение.

– Да, это помогло улучшить мою репутацию. Я тебе за это обязан.

Лето почувствовал тогда облегчение, отговорив Якссона от очередного болезненного «великого жеста» – вместо того, чтобы обрушить ужасную эпидемию на и так пострадавший мир-колонию, лидер повстанцев предоставил ему еду, оборудование, припасы – все, в чем нуждался Иссимо III. Теперь на этой планете имя Якссона прославляли, а не проклинали, но Лето сомневался, знает ли его спутник, что делать с такой славой.

* * *

К тому времени, когда они вернулись в главный дом, другие мятежники уже встали. Большинство собирало вещи перед отлетом. В просторной гостиной горячо спорили Андрос Фенимер и Бос Мамфорд – но не о планах восстания, а о каком-то спортивном турнире.

Одна из повстанцев, проживающих в главном доме, Туарна Вок уже выставила свои дорожные чемоданы в фойе, все еще переживая по поводу вчерашних дебатов. Она смерила Якссона холодным взглядом. Лето не понимал причин такой неприязни. Несмотря на то, что Туарна вроде бы поддерживала экстремистскую тактику Якссона, при встречах с ним эта худощавая, жесткая женщина держалась резко, даже враждебно.

Завидев ее, лидер Союза Благородных сверкнул улыбкой:

– Ох, Туарна, хотя бы в последний день с нами ты не могла бы быть чуть повеселее? Ты возвращаешься в свои владения – я думал, ты будешь радоваться.

Женщина помрачнела еще больше – казалось, вовсе не замечая Лето:

– Пускай я и буду дома, но все равно у тебя на поводке.

– На поводке? – Якссон усмехнулся. – После угнетения на протяжении многих поколений вы сопротивляетесь едва заметным наставлениям на верный путь?

Она недовольно засопела, глядя ему прямо в глаза:

– Я поддерживаю ваше благородное дело, не сомневайся в этом. Но твои методы принуждения неуместны и оскорбительны!

– Я скорей назвал бы это просто напоминанием, дорогая Туарна. Не принуждением.

– О чем она говорит? – спросил Лето, пытаясь собрать кусочки мозаики в понятную картину.

– Туарна Вок – глава очень могущественного Дома с несколькими важными планетами-фабриками. Несколько лет назад ее Дом выпустил на рынок значительную партию источников энергии, которые были признаны дефектными и могли нанести вред пользователям. Изъян обнаружили, когда груз топливных элементов уже находился в пути к оптовой базе – слишком поздно отзываться. Огласка стала бы ужасным ударом по репутации и надежности Дома Воков. – Якссон вскинул палец, предупреждая возмущенный возглас Туарны, и продолжал: – Чтобы предотвратить масштабный скандал, милейшая Туарна организовала диверсию на корабле-грузовозе, уничтожив его в пути. Все убытки своей семьи она возместила с помощью сложных страховых схем, хитро заполнив надлежащие бумаги. Ответственность за взрыв взяла на себя транспортная компания-подрядчик.

Лето прищурился, усваивая информацию. Остальные повстанцы тоже слушали, задержавшись в комнате.

– Хуже того, – продолжал Якссон. – При уничтожении груза под удар попал и пассажирский фрегат, следующий за грузовиком. Это привело к гибели единственного наследника Дома К'Уруну. Если правда станет известна, между Воками и К'Уруну, несомненно, разгорится жестокая кровная вражда, не говоря уж о том, что семейные финансы Туарны сильно пострадают из-за мошенничества со страховкой. Проще говоря, Дом Воков развалится, если наружу просочится хоть слово.

Туарна напоминала ледяную статую:

– И теперь ты выкладываешь это всем этим людям?

Якссон оглядел комнату и сокрушенно поцокал языком:

– Давайте это будет нашим общим маленьким секретом, хорошо? Мы знаем имена и лица друг друга, и у каждого найдется дубинка из какого-либо компромата, чтобы занести над головой товарища. – Внезапно его холодный тон изменился, и Якссон вновь превратился в пламенного оратора. – Но мы собрались здесь не для междоусобиц, верно? – Он прищурился и снова обвел взглядом гостиную, где люди слушали, затаив дыхание. – Я горжусь, что могу рассчитывать на каждого из вас!

После чего в сопровождении Лето он удалился в глубину главного здания.

Каждый из obsługi дома выглядел безобидным и предупредительным, но Лето знал, что все они – фанатичные убийцы, защитники своего пристанища. Однако даже более сотни подготовленных бойцов на этой тайной оперативной базе мало что смогут сделать, когда придут силы сардаукаров. Как только Лето удастся сбежать с Носсуса, он сразу же отправит секретное сообщение на Кайтэйн, чтобы предать повстанцев императорскому суду. Имперские солдаты ворвутся на базу и уничтожат жестокое ядро Союза Благородных...

* * *

Возле столовой напряженные мысли герцога прервал знакомый голос, и Лето оглянулся на зов. К нему обращался Раджив Лондин, худощавый пожилой мужчина с гладко зачесанными назад седыми волосами:

– Лето, друг мой, я сегодня отбываю на Куарте и настаиваю, чтобы вы навестили меня там!

Раджив был одет в традиционный оранжево-красный наряд своего народа. Рядом топтался его длиннолицый главный администратор, Родунди.

Лондин часто выступал с язвительной критикой Шаддама Коррино. Всего лишь несколько месяцев назад – и целую вечность по ощущениям – граф Хасимир Фенринг даже предлагал Лето устроить его брак с дочерью Лондина, при условии, что герцог устранил дворянина-острослова. Лето отказался по соображениям чести, задолго до того, как узнал, что этот человек имеет отношение к Союзу Благородных.

Лето попытался увильнуть от прямого ответа:

– Мое место на Каладане.

Якссон энергично втиснулся между ними:

– Восстание повсеместно! – Он говорил громко, чтобы все его слышали. – Я приветствую союз между Домами Атрейдесов и Лондинов! – Его тонкие губы изогнулись в улыбке. – Вместе вы смогли бы создать коммерческую сеть, чтобы заполнить пустоту, которая останется после распада Империи Коррино!

Лето продолжал держаться уклончиво:

– Я всячески стремлюсь увеличить богатство и расширить владения Дома Атрейдесов. Поэтому провожу последнее время на Кайтэйне.

Несколько повстанцев поблизости недовольно заворчали. Помолчав, Лондин произнес:

– И что же из этого вышло, Лето? Граф Фенринг подговаривал вас предать меня, обещая мою прекрасную дочь в качестве награды.

– Вика поистине прекрасна, сэр, но главным призом он считал владения Дома Лондинов.

– Возможно, у вас получится достичь этой цели более благородным способом. – Лондин вскинул брови, но его лицо стало непроницаемым. – У нас с вами уже есть общие деловые интересы, и будет хорошо, если мы сможем открыто о них говорить.

Лето пожевал губу:

– Какие именно интересы?

Администратор поспешно вмешался в беседу:

– Милорд, нам стоит быть осмотрительнее, пока не представится возможность ввести герцога Лето в курс наших деловых операций. – Когда он наклонился ближе, то Лето почувствовал неясную тревогу. Вежливо-отстраненное выражение лица Родунди не поддавалось расшифровке, и от него исходил едва ощутимый неприятный запах.

Лондин позволил администратору увести себя прочь, крикнув через плечо:

– Тем не менее, я настаиваю, чтобы вы посетили Куарте как можно скорее!

– В настоящее время Лето будет оставаться со мной на Носсусе столько, сколько потребуется, – объявил Якссон во всеуслышанье. – После нашего крупного успеха на Иссимо III нам нужно обсудить дальнейшие планы.

Лето не терпелось вырваться из-под влияния этого человека. С самого момента их встречи над Элегией он всегда был на глазах у лидера повстанцев. Император Шаддам, несомненно, ожидает от него вестей. Гарни Холлик, наверное, к этому времени уже добрался до Императорского дворца с секретным посланием на кристалле, где объяснялась задумка Лето насчет проникновения в лагерь повстанцев и его уничтожения. Но герцог ничего не мог поделать, пока не уберется подальше от Якссона Ару...

Еще до полудня остальные радикально настроенные аристократы покинули планету. Транспортный челнок исчез в бескрайнем пустынном небе Носсуса. Лето, как ему и было велено, остался вместе с Якссоном и его домашней службой безопасности. Ему приходилось

играть свою роль как следует, поскольку, если эти люди хоть на минуту усомнятся в нем, он не доживет до возвращения домой.

С тяжелым сердцем Лето бродил по комнатам. Он знал, что Пол вполне способен править Каладаном – особенно с помощью Сафира Хавата, Дункана Айдахо, доктора Юэ и Гарни Холлика. Несколько месяцев после ухода Джессики – его дражайшей Джессики – Лето провел в душевном смятении, чувствуя, что ему больше нечего терять. И поэтому рискнул всем.

Груз без опознавательных знаков доставили с того же межпланетного лайнера, который прибыл забрать гостей. Лето и Якссон отправились его встречать. Работники поместья уже выносили ящики с небольшого почтового корабля.

Изучая сопроводительный лист, Якссон озадаченно чесал в затылке.

– Я не ждал посылку с Элегии... А-а, это от виконта Джандро Тулла! Один из наших самых рьяных новобранцев. Ты его знаешь?

Лето пожал плечами:

– Мне известно это имя, но у нас с ним никогда не было общих дел.

Открыв ящики, Якссон испустил восторженный вопль.

– О, оружие! Какие-то экспериментальные образцы, – сверился он с бумагой и вытащил металлический кубик с надписями и линзами, встроенными в грани – каждая шириной с его вытянутую ладонь. – Эти устройства толком не опробованы, однако, учитывая качество военной продукции, которую мы получаем от Дома Туллов, они должны оказать большую пользу восстанию.

Якссон повертел кубик в руках, пытаясь сообразить, как это работает. Порывшись в ящике, он нашел запечатанный голокристалл. Используя свой идентификационный отпечаток, он включил воспроизведение и наклонился ближе, просматривая сообщение от Джандро Тулла.

Красивый дворянин на голограмме выглядел гордым и решительным, стоя возле ящиков с новыми прототипами. Запись делалась на фоне конюшен с призовыми лошадьми.

– Якссон Ару! Посылаю тебе пятьдесят нейтрализаторов защитного поля. Это устройства, которые отключают индивидуальные экраны противника. Ничего не подозревающие враги внезапно окажутся уязвимыми для традиционного метательного оружия.

Якссон кинул на Лето восторженный взгляд. Его глаза лихорадочно заблестели:

– Ого! Мы сможем перебить даже сардаукаров, если займем выгодную позицию!

Но Лето не отрываясь смотрел на изображение, будто окаменев. Он не мог поверить глазам.

Джандро продолжал:

– Это моя новая наложница – важный советник и первый критик, я ценю ее мнение. Мы стремимся как можно скорее оказать помощь Союзу Благородных.

Волосы Джессики стали темней и короче, но герцог сразу узнал этот овал лица, полные губы, зеленые глаза – классическую красоту, которую так долго любил... Женщину, которую когда-то обнимал и ласкал, мать его сына.

Джессика стояла рядом с виконтом Джандро Туллом и смотрела с голограммы, будто насмехаясь над Лето.

*В конечном счете все всегда сводится к запасам меланжа.
Владимир Харконнен. Оперативная записка, штаб-квартира в Карфаге*

На развалинах завода Оргиз по переработке специй барон Харконнен размышлял о своей утраченной собственности. Впрочем, на эту неизбежную жертву пришлось пойти, чтобы сбить графа Хасимира Фенринга со следа контрабандных сделок на черном рынке.

Темный дым клубился в небе, оранжевом от мелкой пылевой взвеси. В дальнем конце котловины, расположенной на отшибе, все было сметено стремительной бомбардировкой со штурмовых орнитоптеров без опознавательных знаков – и хранилища меланжа, и упаковочные цеха, и казармы, и посадочные площадки.

Рабочие с завода, должно быть, почувствовали себя преданными, когда летательные аппараты атаковали без предупреждения. Раббан, племянник, проявил энтузиазм и основательность, когда барон тайно проинструктировал его, как свернуть производство и не оставить зацепок для Фенринга или его неумного ментата Грикса Дардика. Раббан частенько разочаровывал дядюшку, но неизменно преуспевал, когда ему давали возможность кого-то покалечить или что-то сломать.

Инспекционные войска на разрушенном участке были одеты по-пустынному: в конденсостюмы с нософилтрами. Но барон отказался от такого, заявив, что не хочет выглядеть слабаком – особенно перед графом Фенрингом. При невероятном богатстве, которое Дом Харконненов нажил на операциях со специей, – как санкционированных Империей, так и незаконных через КАНИКТ, – барон мог купить столько воды, сколько ему требовалось.

Пока барон осматривал обломки завода, от жары и ужасающей сухости у него запылало лицо, пересохли ноздри и запершило в горле. Больше всего на свете ему хотелось вернуться в Карфаг и расслабиться в паровой бане, но приходилось играть роль до конца.

– Нападавшие были хорошо вооружены и действовали продуманно, – заметил он. – Кем бы они ни были.

Несколькими днями ранее Фенринг как-то пронюхал о местонахождении завода и потребовал, чтобы незаконные производители были задержаны для допроса. Делая вид, что хочет помочь, барон успел послать племянника, чтобы все уничтожить. Теперь ему приходилось поддерживать этот образ перед любознательными чиновниками Имперского Комитета по контролю за специей.

Фенринг нахмурился:

– Хммм. Похоже, кто-то знал, что мы нагрянем, не так ли?

Учитывая, что Раббан не умеет держать рот на замке, барон благоразумно отослал его подальше от Арракиса. В другой раз племянник непременно разворчался бы из-за того, что его отстраняют от торговли специей, но теперь он и сам с нетерпением ждал возможности вернуться на Ланкивейл, чтобы позабавиться с их пленником из Дома Атрейдесов – Гарни Холликом...

В данный момент, под нещадно палящим солнцем, граф с трудом сдерживал ярость. Сразу, как только корабли Харконненов приземлились среди развалин, Фенринг выскочил наружу, будто мог еще что-то спасти. Некоторые обломки все еще пылали. Обгорелый искореженный металл валялся в котловине среди камней. Огромные пласты породы были срезаны с отвесных стен лазерными лучами, и образовавшийся оползень похоронил под собой все, что не уничтожила непосредственно бомбардировка.

– Видимо, контрабандисты-конкуренты, – предположил барон. – У этих бандитов ни чести, ни солидарности.

– Хммм, – вновь промычал Фенринг, но не стал высказывать сомнений.

Грикс Дардик носился вокруг хозяина, покачивая огромной башкой на стебельке шеи, просеивая все детали обстановки широко расставленными глазами. Дардик напоминал детскую куклу, которую долго растягивали и дергали в разные стороны. Его пальцы с шишкообразными суставами постоянно двигались, будто играли на невидимом музыкальном инструменте.

Суматошный ментат вскарабкался по опаленным камням и зашипел, коснувшись ладонью еще горячего куска пласта. Он отбросил ногой какой-то мусор, и металлический фланец задел упавший камень, оставив отметину на слое нагара. Дардик наклонился, чтобы ее осмотреть. Выпрямившись, он повернулся к Фенрингу:

– Много лет назад добыча здесь бурно развивалась, сэр. Сводный брат барона, Абулурд Харконнен, даже расширил перерабатывающий завод, но его разрушило нападение песчаного червя. – Дардик хрюкнул. – Представляете, огромный червь вывалился в эту котловину и стал крушить все вокруг! – Он снова хихикнул, затем посмотрел вверх – на клубы дыма, обвалившиеся стены, четкие следы ожогов на камне. – Впрочем, сдается мне, сейчас червь ни при чем.

– Благодарю за службу! – фыркнул Фенринг. – Дедукция настоящего ментата-профессионала!

Граф побрел вперед, размышляя вслух достаточно громко, так что барон мог слышать его бормотание:

– Кто бы ни руководил этим производством, оно требовало хорошего финансирования. Инвестиции в постройку такого завода совершенно непосильны для какой-нибудь мелкой банды контрабандистов. Не-ет, тут все не так просто.

Барон отрегулировал свой гравипояс, чтобы легче держаться на ногах, передвигаясь по руинам, и тут же споткнулся о изогнутый кусок металла, который мог быть стенкой хранилища для специй.

– Меланж приносит богатство, мой дорогой граф. Доставка всего нескольких партий незаконного груза за пределы планеты дает значительную прибыль. Амбициозному человеку совсем нетрудно найти дальновидного инвестора, готового пойти на большой риск ради получения максимальной выгоды.

– Но кто это может быть? – спросил Фенринг. – Такого скоробогача непременно заприметируют бы в Ландсрааде.

Барон как раз выкрикивал приказы своим пехотинцам, вылезавшим из разведывательных машин:

– Рассредоточиться! Прочесать завалы! Сразу докладывать мне, если что-то найдете – нам нужно докопаться до сути!

Люди в форме врассыпную кинулись в обгорелые развалины. При личном инструктаже все они получили четкий приказ ничего не находить.

Барон снова повернулся к Фенрингу, пока они огибали груды каменных обломков.

– Мне приходит в голову единственный альтернативный вариант. Существует некая группировка, нуждающаяся в значительных средствах и готовая пойти на огромный риск. – На его пухлых губах заиграла улыбка. – И ее доходы никак не учитываются ни в каких имперских документах.

Бешеный взгляд Фенринга метнулся в его сторону.

– Что вы имеете в виду? – Вопрос прозвучал как угроза.

– Ну как же – Союз Благородных, конечно. Коварное, жестокое движение бунтовщиков. Якссон Ару и его нелепая деятельность производят много шума и уносят множество жизней. Представляете, сколько денег этот человек сможет заработать для своей кровожадной организации, если создаст независимый канал для торговли специями?

Фенринг погладил подбородок:

– Хмм, интересная версия.

Улыбнувшись, барон подумал, что нашел изящный способ сбить Фенринга со следа, однако следующий вопрос графа опять все испортил:

– Но если завод был построен хорошо финансируемыми террористами Союза Благородных, то кто все это уничтожил? – Он повел рукой вокруг.

Барон пожал плечами.

– Может, какая-нибудь конкурирующая группировка?

– Маловероятно, – покачал головой Фенринг. – Какой в этом смысл?

– Я не слишком-то разбираюсь в подобных вещах, – произнес барон. – Но мы всегда можем задать этот вопрос Императору Шаддаму.

Фенринг побледнел и вздрогнул. Барон улыбнулся про себя, понимая, что его точно рассчитанная провокация достигла цели. Граф Фенринг преждевременно доложил Шаддаму, что «черные» торговцы специей пойманы и казнены – задолго до сегодняшнего инцидента, – и теперь не мог признаться Императору, что их незаконная деятельность продолжалась все это время.

– Э-э-э, хmmm, нам не стоит беспокоить Шаддама такой ерундой. Мы с вами сами во всем разберемся.

– Забыли обо мне? – подскочил Грикс Дардик. – А я тут как тут! – Принюхиваясь, он наклонился над расщелиной и изо всех сил приналег на каменную плиту, сдвигая ее в сторону. Посыпались обломки породы, закрипела искореженная арматура. – Я кое-что нашел!

Ментат пошарил в увеличившейся щели. Торжествуя, вцепился во что-то, дернул, покачал из стороны в сторону и, наконец, вытащил обгорелую скелетированную конечность, оторванную от заваленного трупа.

– Я нашел руку! – Он наклонился ближе, обнюхивая обугленную плоть. – Это нам пригодится, сэр?

Фенринг нахмурился:

– Я бы предпочел взять этого человека живым! – Сердитым жестом он велел ментату отнести находку в корабль. – Возможно, нам что-то даст тщательный генетический анализ. А пока продолжайте искать!

Барон повернулся к своим войскам и зычно крикнул:

– Продолжать поиски! Вы что-нибудь нашли?

Его люди сокрушенно покачали головами и приняли еще более старательный вид, чем прежде.

Вокруг пахло дымом, пылью и обгорелым мясом, и ко всему этому примешивалась сладкая коричневая нота меланжа.

В юности, оставленный присматривать за Каладаном, я чувствовал себя как ребенок, брошенный в воду, чтобы научился плавать.

Пол Атрейдес, наследник герцога

Каждый день состоял из вопросов и сомнений.

Через задний двор замка Пол направился к конюшням, которыми почти не пользовались – старым и новым постройкам на разной стадии ремонта. Этим путем ходили его отец и дед, и многие герцоги Атрейдесы до них. Пол беспокоился об отце, тайно улетевшем к повстанцам, и Гарни Холлик, отправленный со срочным посланием к Императору, давно должен был возвратиться домой... Судьба матери, отбывшей по заданию Ордена сестер Бинэ Гессерит, также его тревожила.

Размышляя о предках, юноша предполагал, что каждый из них так или иначе сталкивался с трудностями, которые казались непреодолимыми. Пол ругал себя за то, что сокрушается о собственном положении. Что толку терзаться или сожалеть о прошлом? Нужно думать о будущем. На что-то он никак не мог повлиять, но часть будущего всецело зависела от него.

Он боялся, что давние отношения его родителей разрушены непоправимо и отец с матерью никогда больше не встретятся, оставаясь в разных мирах огромной Империи. Однако к беспокойству примешивалась и гордость за то, что отец не сомневается в способности Пола управлять целой планетой без него – пусть даже с помощью прекрасных советников и наставников.

Во время последнего разговора с отцом Пол видел его подавленное настроение. Всякий раз, когда речь заходила о матери, Лето пытался скрыть свои чувства, но Пол учился наблюдательности Бинэ Гессерит у самой Джессики. Герцог Каладана глубоко страдал от разлуки с любимой.

Теперь, пока Пол шагал к конюшням, его мучало предчувствие какой-то ужасной задачи, ожидающей его в скором времени – от которой он не мог ни убежать, ни спрятаться, в чем бы она ни заключалась. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с проблемой. Но с какой? Он не знал.

Пол понимал лишь одно: если он пройдет это великое испытание, то обретет уверенность в своих силах. Эта надежда сияла впереди, как яркая звезда на ночном небосводе.

Главные конюшни пустовали уже довольно долго. По плотно утрамбованному полу юноша прошел через одно из подсобных помещений, вдыхая впитавшийся запах лошадей, кормов и ветеринарных масел. Из любопытства он подергал заднюю дверь, затем рванул сильнее, поскольку та прикипела к проему. Ржавые петли застонали и закрипели.

Пыльный коридор вел в самую старую часть построек, где дед Пола когда-то держал свирепых салузанских быков. Пол раздвинул паутину и вошел в темное здание, вспоминая историю о том, как старого герцога насмерть забодал обезумевший бык. Лето давно грозился снести пустующие бычьи стойла, но потом передумал. Возможно, он вспомнил, как сильно его собственного отца завораживал вид этих гигантских животных и зрелище корриды.

Над стойлами был сводчатый потолок, и через трещины в крыше струился солнечный свет. Маленькие птички перепархивали по стропилам, и одна из них спикировала к Полу, будто охраняя свою территорию. Юноша пригнулся, и промахнувшаяся птица снова взмыла под потолок.

Услышав позади шорох, Пол резко обернулся и принял боевую стойку – но обнаружил, что смотрит на улыбающегося Дункана Айдахо.

– Я знал, что в конце концов вы придете сюда, чтобы осмотреться. Удивляюсь только, что вы не сделали этого раньше. – Он шагнул под луч света, в котором танцевали пылинки, похожие на крошечные астероиды. – Я принес вам кое-что. – Размашистым жестом, будто сам был тореадором, Дункан выставил вперед бандерилью с выцветшими зелеными и черными перьями Дома Атрейдесов – длинное копьё, которым матадоры дразнили атакующего быка. – Это принадлежало вашему дедушке.

Мастер меча протянул ему бандерилью, и Пол ощутил легкий трепет, повертев ее в руках. На перьях он заметил темное пятно.

– Это кровь?

– Того самого быка, который убил старого герцога. Ваш дед успел вонзить ее в плечо этого чудища, прежде чем оно подняло его на рога.

Пол вздрогнул. Он хорошо знал эту историю. Голова того огромного быка теперь висела как трофей в обеденном зале.

– После трагедии ваш убитый горем отец забросил бандерилью в угол этого здания. А я тогда служил конюхом и подобрал ее. И теперь хочу, чтобы она была у вас.

Пол посмотрел на бандерилью, представив, что это его единственное оружие против разъяренного животного.

На лице Дункана мелькнула тень переживаний.

– Ваш дед проявил ко мне доброту, когда я был мальчишкой, только что сбежавшим от этих тварей Харконненов. А ваш отец помог мне стать тем человеком, которым я являюсь сейчас.

– Я всем обязан дому Атрейдесов. – Он помрачнел и посерьезнел еще больше. – Я буду служить вам преданно и умело, до моего последнего вздоха.

Смущенный тоном Дункана, Пол попытался разрядить напряжение легкой улыбкой:

– Я знаю, Дункан, и очень ценю это. – Он гордо вскинул бандерилью, выглядевшую в руке одновременно и хрупкой, и опасной. Интересно, что скажет отец, когда узнает, что она теперь у него. – Спасибо за подарок!

– Сперва я хотел сохранить ее у себя на память о старом герцоге, – произнес Дункан, – поскольку он очень многое для меня значил. Но теперь считаю, что она должна принадлежать вам. Вы ведь не застали своего деда в живых.

Юноша еще раз повертел подарок в руках, осматривая старую засохшую кровь на острие.

– Моя нынешняя жизненная ситуация чем-то напоминает бой быков: нужно соображать быстро, впереди опасность, и временами это похоже на какое-то представление.

– Так оно и есть, молодой господин! – Дункана, кажется, позабавило это сравнение. – Кстати говоря, вы засиделись в замке. Это не дело для будущего герцога. На Каладане сейчас все спокойно и он вполне проживет несколько дней без вашего присмотра. Пришло время отправиться на настоящую тренировку! – Он сверкнул загадочной улыбкой. – Давайте составим план. Участвуем только мы вдвоем.

– Что угодно, кроме боя быков! – воскликнул Пол, загораясь азартом. – Мне нечего доказывать на арене.

* * *

В тот же день после обеда Пол стоял в отцовском кабинете возле стола, который казался ему слишком большим, и просматривал документы, разложенные на тщательно отреставрированной поверхности из красного дерева. Вошел Сафир Хават, чтобы провести обычный инструктаж, но на сей раз старого ментата сопровождал Дункан, что было необычно.

Прежде чем приступить к делу, Сафир прошелся перед столом туда-сюда – очевидно, ожидая, пока молодой человек сядет. Но Пол продолжал стоять, опираясь на спинку стула. Кабинет все еще вызывал у него благоговейный трепет. Юноша считал непозволительным вести дела Каладана, сидя за столом отца – пускай сейчас даже не было никаких кризисов и планета выглядела спокойно. Полу очень хотелось, чтобы настоящий герцог поскорее возвратился на свое законное место, успешно завершив миссию.

Сафир обменялся с Дунканом загадочным взглядом, затем произнес:

– Молодой господин, по повелению вашего отца в его отсутствие вы исполняете обязанности управляющего Каладаном, со мной и другими доверенными лицами в качестве советников. На мой взгляд, вы вполне доказали, что осознаете свою ответственность и компетентны в деловых вопросах.

Ощувив приятную гордость и признательность, Пол махнул рукой:

– Благодарю, Сафир. Приступайте к отчету.

Ментат кивнул с официальным видом.

– Как и ожидалось, дела на Каладане движутся своим чередом, без особых эксцессов. Есть несколько локальных конфликтов и происшествий, связанных с погодой, но ничего такого, с чем не могли бы справиться администраторы и представители власти на местах. – Казалось, он был доволен, что все идет так гладко даже в отсутствии Лето и Джессики.

Потеряв терпение, Дункан шагнул к Полу и подтолкнул его в направлении отцовского кресла.

– В отсутствие вашего отца вы должны привыкнуть принимать посетителей, сидя за столом. Займите свое место и ведите себя как герцог!

Пол заерзал в кресле, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Уверен, что отцу здесь тоже было неудобно!

– Поначалу – возможно, – согласился Дункан. – Но он быстро привык. А вам, с учетом текущих обстоятельств, придется учиться еще быстрее.

Сафир продолжал:

– Из интересных новостей, молодой господин: в течение следующей недели или чуть позже мы ожидаем первый пакет данных от пассивной системы наблюдения «Глаз шпиона», которую Дункан и Гарни установили на Ланкивейле во время их последнего рейда во владения Раббана.

– О, это был прекрасный налет! – с ухмылкой вставил Дункан. – Настоящий сюрприз, черт побери! Мы много чего разрушили. Одно удовольствие было смотреть, как вонючие Харконнены мечутся, словно крысы, запертые в своих фьордах... Все рыбацкие постройки, сараи, доки, оборудование – все сожгли дотла вместе с охраной. Но этого мало, чтобы отомстить за то, что эти ублюдки сделали с нашей рыбной промышленностью.

Ментат кивнул, что-то обдумывая:

– Во время ближнего боя на Ланкивейле наши силы получили возможность разместить шпионские устройства, которые к настоящему моменту должны быть уже активированы. Мы получим беспрецедентную возможность взглянуть, чем занимаются Харконнены на планете Раббана.

Мастер меча усмехнулся:

– Люди Раббана были так заняты отражением лобовой атаки, что упустили из виду более тонченную миссию нашего рейда.

– Обратите внимание, молодой господин, – заметил Сафир, – при продуманной тактике самая незаметная задача атакующих часто является важнейшей. Скоро мы увидим, какие сведения нам добудут эти устройства.

Пол улыбнулся:

– Теперь у нас будет свой глаз в стане врага! Вот было бы здорово, если бы у нас получилось провернуть то же самое на Гайдиде Прим! Тогда мы смогли бы следить и за бароном тоже.

– Молодец, парень! – сказал Дункан. – Вот теперь ты начинаешь мыслить как герцог.

Все трое расхохотались. И тут по спине Пола вдруг пробежал холодок, когда он подумал, не разместили ли Харконнены подобные устройства на Каладане.

Увидев, как помрачнел юноша, Дункан спросил:

– Что такое?

– Ох, тяжела ты, герцогская корона.

Честолюбцы или коррупционеры могут использовать людей в качестве пешек, но никогда не следует считать, что все пешки невиновны.

Отчет КАНИКТ. «Бизнес-стратегии и этика»

Когда имперские инженеры представили отчет императору Шаддаму IV, хорошие новости вызвали только раздражение. Император восседал на хрустальном троне рядом с прекрасной новой женой – императрицей Арикатой, специально для которой создали богато украшенный трон поменьше.

Раф Неддик, капитан-майор Имперского инженерного корпуса, сильно нервничал, стоя перед троном. Он был одет в парадную форму с алым и золотым шитьем. С тех пор, как этот инженер делал что-либо собственными руками, прошло довольно много времени. Два других офицера стояли по обе стороны от него.

Капитан-майор откашлялся, будто этот отвлекающий звук был неотъемлемой частью его доклада.

– Сир, ваша колония Иссимо III спасена от разрушительных последствий солнечных вспышек и серьезного поражения посевов. – На его худом лице мелькнула нелепая улыбка, но он потупил взгляд и опустил голову, будто в замешательстве.

Шаддаму не нравились ужимки инженера, и лицо Императора стало суровым, пока он изо всех сил пытался вспомнить пострадавшую колонию. Как Падишах-Император, он правил бесчисленными мирами по всей галактике, и Иссимо III был явно не на слуху.

Сидевшая рядом на маленьком троне Ариката пришла мужу на помощь:

– О, да. Иссимо III. Бедные люди! – Император был благодарен ей за то, как ловко она освежила его память. – Полмиллиона жителей под руководством Дома Грандайнов, они страдают от интенсивных солнечных вспышек и длительной засухи. А все их посевы сожрал долгоносик. – Она взглянула на мужа. – Ты посылаешь своих инженеров, чтобы помочь им выжить, любимый. Такая забота с твоей стороны!

– Да, конечно, я помню. Поистине трагическая ситуация. Не каждой планете повезло быть такой зеленой и красивой, как Кайтэйн.

Инженер выглядел так, будто получил небольшую отсрочку от исполнения приговора.

– Иссимо III – суровое место, сир, хотя и не такое ужасное, как Арракис или Салуза Секундус. Тем не менее... населению приходится бороться за выживание. С увеличением солнечной активности они были бы обречены, несмотря на все наши усилия.

– Но вы говорите, что они спасены? Приятно слышать. – Император побарабанил пальцем по гладкому подлокотнику Трона Золотого Льва. – Да, кажется, я припоминаю, что отправлял туда припасы и оборудование. Дом Грандайнов должен был получить все ресурсы, необходимые для оказания помощи. Это то, что я, как император, обязан был сделать.

– Наша инженерная помощь являлась чисто символической и с минимальным финансированием, – доложил Неддик. – И, разумеется, совершенно недостаточной для выполнения такой масштабной задачи.

Ариката успокаивающим жестом коснулась предплечья мужа.

– Возможно, мы не осознавали размеров катастрофы, инженер. Если бы вы запросили большее финансирование, мы бы с радостью пошли вам навстречу.

Лицо Шаддама помрачнело:

– Непременно пошли бы... Но вы говорите, что они уже спасены. Почему это не повод для торжества?

Плечи инженера поникли.

– Потому что успех – не наша заслуга, сир. Их спасли повстанцы. – Казалось, он вот-вот рухнет на пол и униженно поползет к ногам Императора. – Конвой транспортных кораблей появился будто из ниоткуда – сотни десантных контейнеров, забитых продуктами питания, семенами, сельскохозяйственным оборудованием, защитной пленкой от радиационных бурь! Лорд Грандайн и его люди называли это чудом, спасением. Масштаб этой гуманитарной помощи затмевал все усилия Империи, затраченные ранее. Это стало... позором для нас, сир. – Он набрал в грудь побольше воздуха. – Якссон Ару взял на себя ответственность за это в напыщенном обращении, и запись видели все. Теперь жители Иссимо III почитают его как героя и своего спасителя.

Шаддам приподнялся с трона.

– Но их спаситель – я!

Стражники-сардаукары, стоящие вдоль тронного зала, обратили на них свои неподвижные взгляды.

Неддик упал на колени, будто боялся, что его казнят прямо здесь.

– Лорд Грандайн просил помощи у вас и Ландсраада весь прошлый год, но безрезультатно. Его мольбы даже не попадали в повестку дня на заседаниях!

– Почему я не знал об этом? – гневно спросил Шаддам.

– У тебя так много других забот, – проворковала Ариката. – Увы, из-за бюрократических проволочек этот кризис не получил заслуженного императорского внимания. Мы должны загладить свою вину, чтобы колонисты поняли, кто их истинный благодетель.

Неддик покачал головой.

– Боюсь, слишком поздно, сир. Они уже прославляют Якссона Ару.

– Но этот человек – корыстный убийца, террорист и варвар! Лорд Грандайн должен знать о кровавом нападении Якссона на Оторио и на Императорский дворец здесь! На его руках столько крови! Он не герой. Он – животное!

Инженер покраснел:

– Голодающему трудно ненавидеть того, кто дал ему хлеба. Все эти спасательные материалы прислал Союз Благородных и объявил об этом, так что колонисты уже знают, кто их главный благодетель. Лорд Грандайн отправил послание с благодарностью Якссону в Ландсраад-Холл.

Шаддам побледнел:

– Дому Грандаинов нельзя позволить прославлять террористов перед Ландсраадом!

– Это уже сделано, сир. Час назад.

Шаддам повернулся к императрице, затем снова посмотрел на Рафа Неддика.

– Тогда отправьте в колонию еще больше гуманитарной помощи! Соберите новую партию груза, большую чем все, что прислал Якссон Ару! Оборудование, экранированные жилища, самую передовую сельскохозяйственную технику. Превратите Иссимо III в курорт! Мы должны чем-то перебить его козырь.

– Эту даму уже танцует Якссон Ару, любовь моя, – вздохнула Ариката. – Все попытки вроде той, о которой ты говоришь, будут выглядеть слабым жестом отчаяния.

Шаддам лихорадочно шевелил мозгами.

– Тогда мы пошлем сардаукаров конфисковать все эти блага, как незаконно полученные от преступника!

Ариката отвела свои темные глаза в сторону, но ее несогласие было очевидным.

– Это полностью настроит народ Иссимо III против тебя.

Шаддам понимал, что она права. Вздыхнув, он взглянул на главного инженера:

– Вы должны были предвидеть это, капитан-майор. Вам следовало лучше распорядиться теми ресурсами, которые у вас имелись, и тогда Иссимо III не понадобился бы другой спаситель.

Инженер продолжал стоять на коленях, бледный и перепуганный. Он умоляюще развел руками:

– Но со мной была только небольшая основная команда и очень мало оборудования, сир. У нас... никогда не получилось бы добиться успеха.

Из Шаддама будто выпустили весь воздух. Он почувствовал усталость, и дальнейшие возмущения выглядели бы просто импульсивным припадком мстительности.

– Пришлите мне все записи спасательной операции Якссона Ару, которые у вас имеются. Я хочу видеть лица всех участников. Отследите поставки этой гуманитарной помощи, оборудование, корабли. Откуда они взялись? Кто предоставил материалы? Можем ли мы идентифицировать мятежников и через них выйти на других предателей в Ландсрааде? – Он задумчиво

потеребил пальцами нижнюю губу. – Мы искали лидера повстанцев и их базу. Если наши бесплодные усилия на Иссимо помогут искоренить террористов, то они уже не напрасны.

Неддик, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Благодарю вас, сир. У нашей команды скопилось много фото- и видеоматериалов. Непременно что-то да найдется. Ваши придворные ментаты могут покопаться в данных.

Императрица Ариката вскинула изящную руку, подавая инженеру знак удалиться. Затем повернулась к мужу.

– Якссон Ару всегда действует грубо, любовь моя. Наверняка он оставил какие-нибудь улики.

Шаддаму больше не хотелось это обсуждать, и он начал вставать с трона.

В этот момент в тронный зал ворвалась молодая девушка-конюх, с открытым ртом и вытаращенными глазами. Она вбежала так резко, что охранники-сардаукары приняли оборонительную стойку. Девушка была раскрасневшейся и худой, с растрепанными волосами, в невзрачной грязной одежде, неуместной при дворе. Она скорее напоминала уличную бродяжку, чем официального гонца.

– Вы должны поспешить в императорские конюшни, сир! Ваши новые породистые скакуны!

Посыльная огляделась и замерла на месте при виде устрасающих сардаукаров и величественного Трона Золотого Льва. Пораженная необъятностью зала, она открывала и закрывала рот, а затем разразилась рыданиями.

– Ваши прекрасные лошади, сир...

Ариката поднялась на ноги.

– А что не так с лошадьми, дитя мое? Это замечательные животные, очень редкие. – Взгляд ее темных глаз перебежал туда-сюда, с девушки на Императора. – Мне всегда хотелось, чтобы ты взял меня с собой на верховую прогулку, любимый.

И вновь Шаддам попытался сообразить, чего же от него хотят. С кучей общепланетных забот – политикой Империи, разгорающимся восстанием, распрями между Домами и торговыми войнами КАНИКТ – он едва помнил, что у него вообще есть конюшни здесь, на Кайт-эйне.

Ах, да, теперь он действительно вспомнил о призовых чистокровных скакунах, из самых дорогих животных в Империи, доставленных совсем недавно.

– Мои любимые лошади! Что с ними случилось?

Девушка всхлипывала, утирая нос:

– Призовые лошади мертвы! Кто-то убил их всех.

Шаддам в ярости вскочил с трона и встал рядом с императрицей. Он махнул начальнику стражи:

– Сопроводите нас до конюшен! Я хочу увидеть это собственными глазами!

Часть охраны была выслана вперед. Шагая вместе с Арикатой в окружении стражников через огромный дворец, Шаддам осознал, что добраться до конюшен не так-то просто. На нем был полный парадный наряд для тронного зала, а на императрице – пышное платье и эксклюзивные лаковые туфли. Хотя девушка-конюх их поторапливала, они не могли передвигаться быстро. Императорский конно-спортивный центр находился на другом конце города, и по настоянию охраны Шаддам со свитой выехал туда в закрытом пассажирском транспорте. Обычно появление Императора на публике оборачивалось официальной процессией среди ликующей толпы. Теперь – с учетом срочности и нехватки времени для обеспечения безопасности – кортеж направился напрямик к конюшням, без фанфар.

Большое здание стояло на краю обширного парка, предназначенного исключительно для Императора и его личных гостей. Императорские конюшни славились высокими потолками

и просторными помещениями, а также изысканной архитектурой, в чем могли утереть нос особнякам многих знатных помещиков.

Сразу после прибытия колонны девушка-конюх выпрыгнула из машины и помчалась к конюшням, кивком пригласив Шаддама следовать за ней. Передовая группа охраны уже проверила объект, но теперь четыре сардаукара-сержанта еще раз осмотрели территорию, выискивая возможные ловушки и засады, и наконец дали сигнал «все чисто». Шаддам и Ариката вместе вошли в здание.

Император сморщил нос, вдохнув густой, влажный животный запах, сладкий аромат сена и кисловатое амбрэ навоза. Теперь он вспомнил, почему редко сюда заглядывал. Хотя стойла содержались в безукоризненной чистоте, он взял Ариката под руку.

– Осторожней, дорогая, не вляпайся в какую-нибудь дрянь.

Не боясь испачкаться, императрица устремилась вперед с нетерпеливо-напряженным выражением лица.

– Что именно произошло с лошадьми, дитя мое?

– Они мертвы! Отравлены. Все – чистокровные.

Шаддаму сообщали, что такие животные чрезвычайно редки в Империи – похищенные у Дома Туллов, с прекрасной родословной, восходящей к породистым предкам. Ценный приз, о котором могли лишь мечтать все предыдущие императоры. Шаддам единственный кроме Туллов владел прекрасными тулльскими лошадьми, хотя ему не хватало смелости самому скакать на них. Это была его гордость. Его *собственность*.

А теперь она утрачена.

Вбежав в проход между открытыми стойлами, девушка-конюх смотрела на лошадей, обливаясь слезами. Затем рухнула на колени в клочья сена на полу.

Могучие животные, вытянувшись, неподвижно лежали на полу в стойлах, будто спали. Они выглядели умиротворенно, но, тем не менее, были мертвы. Убиты чьей-то злодейской рукой.

– Они отравлены, сир! – снова выкрикнула девушка-конюх. – Все разом. Мы ничего не смогли поделать!

Ариката переходила от стойла к стойлу, явно потрясенная.

– Как такое могло случиться? Как можно было отравить всех одновременно?

– Смертельный газ, моя императрица. Я чистила лошадей, когда увидела странный сверток. Он взорвался, и удушливый газ распространился по всей конюшне. Я думала, что тоже умираю! Потеряла сознание, а когда очнулась, животные уже...

– Мои бедные скакуны! – простонал Шаддам.

Ариката покачала головой:

– Видимо, на людей этот газ действует слабее. – Она взглянула на девушку. – Тебе повезло, что ты выжила, дитя мое.

– Это называется «повезло»? – вновь зарыдала та, указывая на бездыханные тела.

– Я потрясен не меньше вашего, – вздохнул Шаддам.

Ариката нежно обняла девушку за дрожащие плечи, демонстрируя сострадание.

– Это выпад против меня лично, – произнес Император. – Я с таким трудом заполучил этих красавцев – не думаю, что смогу найти им замену.

Он скрипнул зубами, убежденный, что это очередная атака со стороны презренного лидера террористов и его повстанческого движения.

Не стоит заблуждаться, считая дружбой общие интересы и цели. Нас, тлейлаксу, заботит лишь собственный успех. Поддерживать устремления союзника – просто удобно.

Чен Марек. Из письма мастерам тлейлаксу

Корабль с маркировкой каладанской компании по производству морепродуктов приближался к тайным плантациям в джунглях Южного Континента. Здесь выращивали папоротник барра, из которого производили наркотик айлар. Под палящим тропическим солнцем Чен Марек наблюдал, как транспортник снижается над скалистым горным хребтом, на склонах которого были разбиты грядки. Корабль прикрывало силовое поле, дающее защиту от обычных сканеров. Поскольку континент был малонаселенным, министерство торговли Атрейдесов уделяло мало внимания нерегулярным коммерческим операциям на отдаленном побережье.

Наркобарон тлейлаксу с мрачной улыбкой ожидал прибытия судна, зная, какой груз на борту. Он настоял на встрече с начальством, заявив, что риск того стоит, и мастер Арафа предпринял чрезвычайные меры предосторожности ради путешествия сюда.

Марек и его работники стояли у кромки замаскированных полей в джунглях, за которыми высилась огромная гора. Легкие камуфляжные сетки, пропускающие солнечный свет, закрывали обзор от наблюдателей с воздуха, но здесь, на земле, Марек мог любоваться выющимися побегами папоротника, торчащими из плодородной почвы. В зависимости от сорта некоторые растения были высокими и пятнистыми, другие низкорослыми и ядовито-зелеными. Различные виды барры давали айлар широкого спектра действия – от едва заметного до тяжелого дурмана. Все сорта были выведены в генетических лабораториях тлейлаксу, и Марек выяснил, какие вызывают наибольшее привыкание – испытывая их на пленных дикарях племени муадха из изолированных деревень, разбросанных по джунглям.

Даже с учетом генных модификаций, ослабляющих токсичность, айлар был опасной дрянью, но Чен Марек не испытывал сочувствия к безвольным дуракам, пристрастившихся к коварному наркотику. Никто из тлейлаксу ни за что не прикоснулся бы к этому веществу. Однако оно приносило большую прибыль делу тлейлаксу, а также имевшему с ними связи движению Союза Благодородных. Хотя Марек и недолюбливал лично Якссона Ару, союз с лидером повстанцев открывал много новых возможностей. У Бинэ Тлейлаксу имелись собственные причины презирать Империю, которая угнетала их на протяжении тысячелетий. Если движение Союза Благодородных преуспеет, то планета Тлейлакс тоже обретет независимость, создав уникальную коммерческую империю, которая сможет навязывать правила и условия любым неверным. Чену Мареку и всем мастерам тлейлаксу надлежало убедиться, что восстание имеет перспективы.

Замаскированный корабль скользнул под камуфляжный навес на поляну в джунглях, предназначенную для челноков, которые развозили произведенный айлар. Призванное казаться обыкновенным торговым грузовиком судно выглядело потрепанным и скучным, не привлекая лишнего внимания.

Работники Марек и отряды наемников были проинструктированы, что им ни в коем случае нельзя попадать в плен живьем. Теперь, разглядев прибывший корабль и не найдя причин для тревоги, одни рабочие продолжили собирать скрученные побеги, другие потащили корзины и ведра к перерабатывающим лабораториям в горных пещерах.

Когда корабль замер на поляне, из люка кабины выбрался высокий каладанский пилот в старом рабочем комбинезоне – с косматой каштаново-седой бородой и прищуренным взглядом

из-под густых бровей. Он наклонил голову, изучая плантации, разбитые вдоль крутого горного склона, затем посмотрел на Марека:

– Здесь безопасно?

– Вполне надежное место, – кивнул Марек, гадая, что это за тип.

Пилот нырнул обратно в кабину и дернул рычаг, открывая грузовую дверь. Задний отсек был забит опечатанными ящиками, помеченными как «содержащие живых ракообразных». Он сделал приглашающий жест внутрь трюма:

– Доставка, которую вы заказывали, сэр.

Марек настороженно нахмурился. Когда он вновь посмотрел на незнакомца, то увидел, что взгляд пилота изменился. В этом человеке было что-то неестественное.

Словно почуяв незаданный вопрос, пилот понимающе кивнул. Он коснулся ящиков, снял потайную защелку и сдвинул их в сторону, открывая экранированный отсек – скрытую пассажирскую каюту в трюме. Внутри в комфортабельном кресле сидел мастер тлейлаксу. Чистые стены, небольшой санузел, еда, напитки.

– Мастер Арафа! – Марек поклонился важному человеку в защищенном отсеке.

Мастер тлейлаксу почесал тонкий шрам на лице и подался вперед, однако не сделал ни малейшего движения, чтобы выйти.

– Эта каюта не только прикрыта защитным полем, Чен Марек, но и благословлена, поскольку ты настоял, чтобы я отправился на эту планету неверных. Возможно, ты и можешь осквернить себя, но я – нет.

Марек сложил пальцы вместе и поклонился.

– Для меня большая честь, что вы прилетели.

Арафа пользовался большим авторитетом среди тлейлаксу и его положение на родной планете превосходило статус Марека. У мастера было узкое лицо с длинным носом и острым подбородком и бледно-серая кожа – телесные особенности, которые тлейлаксу развили в результате селекции, хотя другим жителям Империи такие стандарты внешности казались отвратительными.

– Таким образом я могу встретиться с тобой там, где ты просишь, – продолжал Арафа, оставаясь в своей каюте. – И если я не выйду из корабля, то не буду осквернен Каладаном.

Марек знал о кропотливых ритуалах очищения, которые в ином случае пришлось бы пройти Арафе, как только мастер вернется в священный Бандалонг. Он понимающе вздохнул:

– Мне хотелось прогуляться с вами по плантациям и лично показать производство. Тогда вы лучше поняли бы масштабы нашего плана.

– Я и так их прекрасно вижу, – отрывисто бросил Арафа. – Я разрабатывал эту стратегию в наших лабораториях. А ты просто исполнитель.

Это прозвучало обидно, и Марек выместил раздражение на пилоте, окинув того подозрительным взглядом:

– А вы кто такой?

Видя сомнения на его лице, пилот спросил с каладанским акцентом:

– Вы хотите знать, можно ли доверять мне? Не все так, как кажется с первого взгляда. – Он расправил плечи, пригладил встрепанную бороду. – Мы получили гарантии конфиденциальности, когда арендовали корабль, но это показалось нам недостаточным. Так что я сам решил выступить в роли пилота, а все возможные записи и свидетельства умрут вместе с этой личностью.

Характерные каладианские черты пилота стремительно менялись. Борода поползла вниз, лицо обвисло, кожа побледнела. Нос превратился в плоский бугорок с прорезями ноздрей. Цвет глаз стал мертвенно-серым.

Пока Марек наблюдал за трансформацией, по его спине бегали мурашки, но он улыбнулся. Саморазоблачение пилота скорее удивляло, чем пугало.

– Лицедел! Решение неожиданное, но идеальное.

Арафа пояснил:

– Якссон Ару верит, что наш народ служит его революции – и мы делаем это, пока парень идет к успеху. Но если его движение потерпит крах – у нас есть другие рычаги, иные методы влияния. Лицеделы занимают ключевые посты в Союзе Благородных и готовы при необходимости взять на себя более важную роль.

Марек кивнул:

– Да, я уже раскусил одного. Главный администратор лорда Раджива Лондина, который является чуть ли не крупнейшим тайным распространителем наших каладанских наркотиков.

Мастер Арафа несколько секунд обдумывал его слова.

– Да, наш лицедел играет роль серого кардинала, управляя участием Лондина в восстании, а также имеет отношение к распространению айлара. Ты продолжишь поставлять наркотики лорду, а он будет и дальше втемную выполнять наши приказы. – Оставаясь в изолированной каюте, мастер тлейлаксу вытянул шею, чтобы выглянуть из грузового отсека. – Твои новые плантации, возможно, и скрыты в джунглях, но герцог Лето Атрейдес станет помехой, если все же их обнаружит.

– К счастью, его сейчас нет на планете, – сказал Марек.

– Я знаю, – улыбнулся Арафа. – Неожиданный поворот – наш лицедел при дворе Лондина сообщает, что герцог Каладана примкнул к Якссону Ару и его жестоким повстанцам.

– Такое совсем не в его духе, – нахмурился Марек. – Лето Атрейдес поломал нам производство айлара на севере. Я давно хотел ему отомстить.

– Пускай лидер Атрейдесов ведет себя как дурак, – изрек мастер, – но если он поддерживает Союз Благородных, то теперь это наш дурак. Посмотрим, сможет ли лорд Лондин обвести его вокруг пальца. А пока Расскажи коротко, как идут дела здесь. Я привез тебе новые образцы папоротника. – Арафа указал на один из запечатанных ящиков с «ракообразными». – Мы снова внесли изменения в геном. Снижая токсичность сортов, мы также делали их менее сильнодействующими, но некоторые покупатели, желающие острых ощущений, не прочь рискнуть.

Марек вскрыл ящик и увидел внутри стеллажи с образцами барры.

– Это оригинальные подвиды, – пояснил Арафа. – Для требовательных клиентов продолжайте выращивать их.

Марек удивился:

– Они добровольно готовы на такой риск?

– Кто может понять бестолковых неверных? – Арафа развел руками, оставаясь сидеть в мягком кресле. – Они охотно оскверняют свои тела всеми видами наркотиков, и от некоторых смертность выше, чем от прочих. Риск вызывает у них всплеск эндорфина не меньше, чем само вещество.

Марек снова захлопнул крышку.

– Я могу испытать их на муадха из местных деревень. Это примитивные дикари, их никто не будет искать. – Он с заговорщическим видом понизил голос: – А еще я захватил одного исследователя, доктора Ксарда Вима. Это ботаник, который приперся изучать эти джунгли. Он наткнулся на то, чего не должен был видеть. Теперь он мой пленник, и пускай приносит пользу. У него нет выбора.

– До тех пор, пока он не сбежит и не разболтает все кому-нибудь. – Мастер Арафа нетерпеливо фыркнул. – Шевелись, принеси мне записи с изображением производства на этой горе. И перечисли положенную Бинэ Тлейлаксу часть прибыли для финансирования нашей борьбы. – Он откинулся на спинку кресла в своей экранированной каюте, не делая ни малейшего движения, чтобы встать. – Хочу поскорей убраться подальше отсюда. Здесь кажется, что все вокруг воняет тухлой рыбой.

Марек выполнил то, что ему было велено, робея перед политической властью и влиятельностью мастера. Он передал новые сорта папоротника для немедленной высадки в грунт, а затем принес все, что просил Арафа. Когда они покончили с делами, Мареку представилась возможность наблюдать, как лицедель вновь принимает внешность местного жителя. Вскоре корабль с логотипом перевозчика морепродуктов стартовал с горы и взял курс на далекий океан.

Наслаждаясь тем, что он опять тут самый главный, Марек прогулялся по плантациям, а затем поднялся по тропинке к горным пещерам, где находились перерабатывающие лаборатории, склады, казармы для рабочих и запертая камера, в которой содержался пленный ученый.

Худощавый мужчина средних лет, обладающий научными знаниями, но непрактичный и не имеющий навыков выживания, доктор Вим прибыл сюда с Кайтэйна в экспедицию, наивно полагая, что будет жить среди племени муадха или просто разобьет лагерь в джунглях, где его никто не потревожит. Вим нашел и сфотографировал обширные плантации папоротника, затем сунул нос в производство айлара. Доктора тут же схватили, но Марек не спешил решать его судьбу. Скрестив руки на узкой груди, наркобарон посмотрел сквозь решетку в потухшие глаза ученого, в которых отсутствовала всякая надежда.

– Доктор Вим, наконец-то у меня появилась для вас работа.

Когда мы принимаем фундаментальные решения, то в какой-то момент достигаем точки, от которой вынуждены двигаться вслепую. Мы не можем знать, какой путь приведет к успеху, а какой – к полной катастрофе.
Конкла Беллар, ур-директор КАНИКТ. «Долгосрочные стратегии расширения и консолидации»

По опыту управления Картелем, привыкнув ориентироваться в запутанной паутине альянсов, тарифов, договоренностей и результатов, Малина знала, что не следует принимать решения импульсивно или без совещания со специалистами – какой бы срочности ни требовало дело. Неповоротливая машина бизнеса оставляла достаточно времени для тщательного обдумывания и корректировки курса.

Теперь, в гигантском административном комплексе на Танегаарде, Малине было о чем подумать. Несомненная утечка данных из «черных» архивов продолжала расследоваться Холтоном Тассэ и его командой ментатов-аудиторов КАНИКТ. В хранилище цитадели усилили меры безопасности, но слишком поздно. Это не смягчало потерю убойной секретной информации. Если данные просочатся наружу...

Впрочем, в данный момент безумная деятельность Якссона Ару являлась более насущной проблемой. Малине предстояло решить, примкнуть к своему печально известному сыну или попытаться ему помешать. Как будет надежней для исполнения планов Союза Благородных? На Нокссусе она встречалась с радикалами из ближнего круга Якссона – с теми, кто предпочитал разрушение аккуратным манипуляциям. Изначально эти революционеры поддерживали продуманный план постепенного развала империи Коррино, но теперь дошли до крайностей.

Очевидно, пламенные выступления ее сына вдохновили самых нетерпеливых и недовольных дворян и высветили многие непростительные ошибки, совершенные правящим кланом Коррино. Малина чувствовала давление и со стороны «кабинетных» бунтарей, желающих увидеть перемены в ближайшей перспективе, а не через поколение или больше.

Пришла пора определиться – продолжать привычный курс или поддержать быстрые перемены огнем и мечом. Никто не мог сделать выбор за нее.

Джалма и Франкос обсудили этот вопрос и высказали свое мнение, но они оба были приучены соглашаться с матерью, а не перечить ей. Хотя Малина прислушивалась к их словам, она не верила, что дочь и старший сын достаточно объективны. Нет, ей требовалась независимая и непредвзятая оценка ситуации.

Отправив детей по домам решать их собственные политические проблемы, Малина прогуливалась по циклопическим коридорам, погруженная в свои мысли. Рядом с ней, цокая когтями по гладкому полу, вышагивал только один пес. Второго, Кара, лечили от внезапного расстройства желудка, полученного по неизвестной причине. Сейчас у него брали анализы. Отыскать подходящего ветеринара на Танегаарде оказалось непросто, но ради директора постарались. Врач нашелся.

Под высоким потолком цитадели туда-сюда сновали летающие транспортные платформы, развозя по личным кабинетам зашифрованные договоры, налоговые соглашения, судовые журналы и таможенные декларации. Ни один из чиновников не знал всей полноты картины. Запутанные деловые связи и тайные союзы; торговая конкуренция, нечестная игра, ценовые сговоры, намеренное перепроизводство и дефицит. Конфиденциальность ставилась превыше всего, и лишь руководство КАНИКТ держало все нити в руках. А самая компрометирующая, изобличающая информация хранилась в защищенных «черных» архивах. Защищенных недостаточно, как выяснилось.

Малина отменила все прочие встречи. Она размеренно прошагала несколько миль по этим коридорам, мимо огромных внутренних хранилищ, считающихся даже более безопасными, чем покои Императора. Успех движения Союза Благородных и перестройка погрязшей в застое Империи обеспечили бы свободу торговли во всех звездных системах, а следовательно – будущее самого Картеля. Другие насущные проблемы могли подождать.

Почти два века назад горстка дворян разработала и запустила долгосрочный план по низвержению Дома Коррино, мечтая заменить Империю бесчисленными независимыми планетами и консорциумами – усилив конкуренцию и разнообразие ради более справедливого распределения ресурсов. Поначалу эти прожекты были не более чем салонной игрой скучающих депутатов Ландсраада и их деловых партнеров. На протяжении всего правления Фонда III, затем Элруда IX, а теперь и Шаддама IV оппозиционеры методично работали над разрушением имперских монополий и укреплением межпланетных торговых союзов – и все это за спиной императора. Несколько поколений подпольщиков старательно закладывали фундамент сотрудничества между Космической Гильдией и КАНИКТ, постепенно оставляя Дом Коррино за бортом.

А теперь Якссон хотел дубиной разнести государство в клочья.

Малина вдохнула сухой внутренний воздух здания и окинула взглядом огни бесчисленных уровней над и под дорожкой. Мимо пронесся летучий курьер с ранцевым двигателем – достаточно близко, чтобы Хар зарычал. Парень даже не заметил директора, торопясь куда-то с коробкой важных документов, которые требовалось заверить и подшить.

Влиятельная дама постояла какое-то время, рассматривая центральное хранилище – похожее на бастион внутри бастиона. Размером с небольшой ангар, высотой в два этажа, оно имело единственную бронированную дверь огромной толщины. Толстые двойные стены разделял узкий воздушный зазор – его ширины должно было хватать лишь для ремонтников, если они понадобятся. Внутри в большом зале с секретными данными работали команды ментатов, наряду с клерками и проверенными администраторами. Неприступность хранилища впечатляла. Оно казалось незыблемым – таким же, как сам КАНИКТ.

Но в каком направлении дальше двигаться Картелю? Размышляя над выбором пути в будущее, Малина пришла к выводу, что ей нужна объективная оценка – просто для уверенности.

На совещание директор собрала десяток лучших ментатов-аудиторов. Преданных, связанных кровными узами и психологически неспособных на предательство. Пока Малина их ожидала, Хар сидел рядом в защищенном конференц-зале, временами поскуливая, будто чувствовал себя одиноко без брата. Когда тяжелые двери закрылись, обеспечив полную приватность, Малина изложила ментатам задачу:

– Считайте это мысленным экспериментом, чрезвычайно важным. Мой сын Якссон не просто раздражает. Он опасен. Его план – назовем это первым сценарием – таков: разрушить Империю, чтобы из обломков построить мир всеобщего торгового равноправия. – Она наблюдала, как ментаты сосредоточенно впитывают информацию. – Все отчеты и оценки ущерба доступны для вашего ознакомления.

Ментаты дружно кивнули, ожидая продолжения.

– Второй сценарий. Основное движение Союза Благородных также недовольно нынешним имперским правительством. Как и Якссон, они стремятся разрушить устаревшую политическую структуру, но хотят сделать это постепенно. Такой способ может занять столетия, и он не столь идеалистичен – без наивных мечтаний о равенстве.

Малина откашлялась.

– Третий сценарий. Империя остается такой, какой была в течение десяти тысяч лет, и мы просто принимаем коррупцию, несправедливость и неэффективность как неизбежные недостатки.

Она скрестила руки на груди, глядя на безмолвных мужчин и женщин.

– Я прошу вас как ментатов выполнить долгосрочный прогноз, рассчитать возможные последствия, проработать варианты развития событий, которые, вероятно, произойдут, если поддержать радикальный подход Якссона. Затем спрогнозируйте результат более умеренного движения. – Малина ощутила сухость во рту. – Наконец, оцените, что произойдет, если Империя останется в неизменном виде. Какой из этих сценариев оптимален для КАНИКТ? – Она чуть было не добавила «и для человеческой расы», но подумала, что этот вопрос не в ее компетенции.

Малина отпустила ментатов, дав им время на размышление.

Несколько часов спустя, когда они закончили расчеты, Малина встретила с каждым персонально, чтобы оградить от влияния чужих мнений. Каждый человек-компьютер представлял перед ней – спокойный и молчаливый, с красными пятнами от сока сафо на губах. Малина слушала, откинувшись на спинку кресла.

Первый ментат дал ответ, которого она ожидала – и боялась больше всего.

– В результате более чем вековой подпольной работы движение Союза Благородных создало множество очагов напряженности в Империи. – Взгляд ментата был направлен куда-то чуть выше ее левого уха, пока он говорил. – Налицо многочисленные проявления нестабильности государства, а значит, оно созрело для кардинальных изменений. Из истории известны явные признаки того, что крупная империя близка к распаду. Сейчас я наблюдаю некоторые из этих признаков.

– Означает ли это, что появление радикального крыла было неизбежным? – спросила Малина.

– Массовые изменения в политической структуре неизбежны, госпожа директор, и по историческим меркам произойдут совсем скоро – вероятно, в течение ближайшего столетия или двух, – доложил ментат. – Но будет такой сдвиг быстрым и хаотичным или же постепенным, чтобы люди успели привыкнуть – это другой вопрос. – Его взгляд стал еще более отстраненным, будто он не хотел раскрывать свои дополнительные выводы. – Течение, которое представ-

ляет ваш сын, может быстро свергнуть Императора, но приведет к невероятным разрушениям, чрезвычайным беспорядкам, гибели целых народов. По моим оценкам, количество погибших будет исчисляться десятками миллиардов.

– Миллиардов?

– Миллиардов. Возможно, до полутриллиона.

По спине Малины пробежал холодок.

– Благодарю за оценку. Я приму это к сведению.

Второй ментат выдал аналогичный прогноз. Третий – очень похожий на два первых. Один за другим ментаты-счетчики предсказывали масштабные разрушения, которые вызовет деятельность ее сына, если его не остановить, а тем более – если Малина поддержит его стремление свергнуть императорскую семью.

У нее сжалось сердце. В глубине души она пришла к тем же выводам, но не хотела этого признавать. Она не могла позволить сыну и кучке его жестоких мятежников идти этим путем.

Борясь со своими мыслями и эмоциями, Малина понимала, что не имеет права просто предоставить Якссона самому себе. Ей придется активно бороться с ним, разоблачать его маргинальное движение ради общего блага – постепенной перестройки галактического правительства.

Ей придется отречься от собственного сына.

Удивительно, но оставшиеся четыре ментата сообщили кое-что новое. Соглашаясь с точкой зрения предыдущих, они отметили одну странность.

– Мы понимаем мотивы большинства новобранцев Якссона, – сказал один из них. – Но есть и исключение. Кое-кто из знатных сторонников вашего сына не вписывается в общую картину. Его участие в движении выглядит явной нелепицей.

– И кто же это? – спросила Малина.

Ментат смотрел в одну точку прямо перед собой.

– Герцог Лето Атрейдес. Его мотивы туманны и загадочны. Он... не соответствует просчитанным шаблонам.

Малина вспомнила темноволосого красавца-герцога среди повстанцев, тайно собравшихся на базе Носсус. Якссон радовался, что заполучил в свои ряды такого стойкого приверженца чести, закона и порядка.

– Я уверена, что у него найдутся на то веские причины. Мы не можем знать их все.

– Он – исключение, – настаивал ментат. – Мы упускаем что-то важное.

Когда и четвертый ментат сказал то же самое, взволнованную Малину охватили сомнения.

Ее решение по поводу Якссона было однозначным: ни она, ни Джалма, ни Франкос не могут примкнуть к движению сына, и ей предстояло придумать, как разрушить его планы.

Но какую роль во всем этом играет герцог Лето? Каково его участие и конечная цель?

Она отпустила ментатов, еще раз напомнив о строгой секретности их умозрительных выкладок. А затем приняла решение вернуться на Носсус, где надеялась узнать больше.

Победа дарит ощущение полета, в то время как поражение – это глубокий гравитационный колодец, в котором разбиваются все надежды. И одно чувство может смениться другим в мгновение ока.

Парадигма Дзенсунни

На голограмме, присланной Туллом, Джессика стояла так близко к этому надменному аристократу, что сердце Лето будто превратилось в кусок свинца. Она не произнесла ни слова во время краткого выступления и держала руки по швам, хотя и касалась плечом виконта, пока тот нахваливал свои нейтрализаторы защитного поля.

Не замечая, каким эмоциональным шоком для Лето стала эта картина, Якссон возбужденно предвкушал возможности, которые откроют перед ним новые устройства. Он уже представлял, как использует их для внезапного сокрушительного удара по устрашающим императорским сардаукарам.

Ему тут же загорелось их проверить. Вытащив из ящика два расписных кубика, Якссон вызвал из дома десятков охранников, приказав им надеть полную униформу и персональные щиты. Хотя Носсус считался безопасным местом, Якссон держал в главном корпусе внушительный арсенал, в том числе множество винтовок метательного действия – якобы для охоты на диких зверей в горах, но Лето не был дураком и все понимал.

Лидер повстанцев зарядил две таких винтовки гелевыми пулями – мягкими шариками, которые поражали цель, не причиняя тяжелых увечий.

– Идем, друг мой. Мы должны испытать, насколько хороши они в работе. – Якссон сиял, налитый веселой нервной энергией – радуясь, что может заняться этим совместно с Лето. – Мои люди добровольно примут участие в эксперименте.

Лето нерешительно последовал за ним. Они установили прототипы на краю хлебного поля, недалеко от главного здания. Охранники-добровольцы выстроились в шеренгу, ничуть не проявляя волнения. Они ожидали с каменными лицами, будто по приказу Якссона были готовы стать даже расстрельной командой, если того потребует восстание.

На душе у Лето скребли кошки, но герцог попытался отвлечься от личных неурядиц, вспомнив, зачем он здесь. Он осмотрел нейтрализатор.

– Тулл приложил какие-нибудь инструкции или технические характеристики? Упоминал об эффективности? – Лето повертел изделие в руках, изучая гладкие линзы. – Это устройство разрушает щиты каким-то импульсом, или просто временно ослабляет их действие? Бойцам нужно это знать, иначе как полагаться на них в бою?

– Это совершенно новые непроверенные образцы! – воскликнул Якссон так, будто радовался этому. – Вот мы и выясним, насколько они эффективны. Сами найдем ответы на все вопросы. – Он напоминал ребенка, которому не терпится заняться новой игрушкой. – Включить щиты!

Десять добровольцев активировали свои пояса, и перед каждым в воздухе появилась легкая водянистая рябь, указывая границу защитного барьера, способного остановить любой метательный снаряд.

Когда-то давным-давно щиты Хольцмана коренным образом изменили методы ведения войны и тактику ближнего боя, практически удалив пули и артиллерию с поля битвы. Если новое устройство Тулла действительно нейтрализует нательные экраны, то все устаревшее оружие внезапно вновь станет смертоносным. И теперь мало кто им обладает...

Сверкая глазами, Якссон активировал первый из покрытых линзами кубиков. Прибор засветился, полыхнула ярко-белая молния. Лето ожидал, что шеренгу охранников сметет ударной волной, но люди продолжали стоять – похоже, совершенно невозмутимо.

Якссон разочарованно поднял нейтрализатор.

– Не работает!

Но тут Лето увидел, что еле заметная рябь вокруг бойцов исчезла. Они ощупывали пояса, лихорадочно щелкали кнопками управления, но оставались незащищенными.

Словно по наитию, Якссон вскинул винтовку, навел на первого охранника в шеренге и выпустил гелевую пулю. Мягкий снаряд ударил в грудь бойца, отшвыривая его назад. Тот скривился от боли. Затем дотронулся до пятна на форме, и у него отвисла челюсть:

– Пуля вообще не отклонилась! Она попала в цель!

Яксон подтолкнул Лето локтем:

– Давай, тоже попробуй! Мы должны быть уверены.

Лето нехотя прицелился в ногу следующего охранника и выстрелил – с тем же результатом. Боец повалился на землю, схватившись за ушибленное бедро. Со стороны охранников послышались беспокойные крики. Не в силах уgomониться, Яксон выпустил еще три гелевые пули – хотя в дальнейшем испытании не было необходимости.

– Нам надо осмотреть защитные пояса, – сказал Лето. – Они перегорели или включатся снова?

Они ринулись навстречу озадаченным охранникам. Те также обрадовались, поняв, что лидер повстанцев хотел именно такого результата. Впрочем, минут через пять один из поясов начал мигать, и в воздухе послышалось тихое жужжание. Активированный щит вновь замерцал вокруг владельца. Еще через несколько минут все личные экраны опять заработали.

– Это важная информация, – серьезно кивнул Яксон. – Позже мы проверим еще несколько раз, но уже можно предполагать, что эффект длится около четверти часа. Именно столько времени нападающие будут беззащитны, так что нам нужно это учесть. – Он повысил голос: – Убедитесь, что у нас достаточно метательного оружия, чтобы выдержать осаду! Нам нужно пополнить арсенал!

– Этот сюрприз сработает только один раз, – сказал Лето.

Яксон усмехнулся:

– Как и большинство сюрпризов.

* * *

Вечером того же дня герцог и Яксон ужинали вместе. Лидер повстанцев расслабился, его потянуло на откровенность, и он поведал герцогу о безмятежных днях своей юности на Оторио, которые проводил с любимым отцом. Во время беседы Яксон то и дело машинально касался своих щек и бровей, чем сильно напоминал Брондона Ару, прошедшего у тлейлаксу процедуру клонирования лица с целью скрыть личность.

Слушая его ностальгические воспоминания, Лето еще больше затосковал по дому. Ему не терпелось вернуться на Каладан. Мысли о Джессике не уходили, но герцог сосредоточился на поисках скорейшего способа передачи Императору послания – дабы тот мог пресечь радиальное движение. Завершив эту опасную, добровольно возложенную на себя миссию, Лето хотел просто отправиться домой.

– Когда следующий лайнер прибудет в эту систему? Мне нужно на...

Яксон его перебил:

– Я хочу, чтобы ты отправился на Куарте! Лондин ожидает тебя там, как и его очаровательная дочь. Следующий корабль будет здесь через два дня, тогда и улетишь. Я договорюсь насчет тебя. – Он криво усмехнулся. – Да и мне пора в путь – по секретному делу восстания. Нужно убедить присоединиться к нам еще одного новобранца – почти такого же знатного и влиятельного, как ты, Лето Атрейдес!

Лето вымученно улыбнулся в ответ на это добродушное подтрунивание, хотя все еще пребывал в расстроенных чувствах:

– Не такой уж я и влиятельный. Что за новобранец? – Он собирал любую информацию, которую мог получить.

На лице Яксона появилось озорное выражение:

– Пока это моя тайна, Лето! Если я его уговорю, тогда расскажу всем. Ты будешь так же восхищен, как и я, когда увидишь мозаику целиком!

– Я всегда стараюсь видеть мозаику полностью, – сказал Лето.

После еды Якссон предложил выйти на улицу. Оранжевое небо в вечерних сумерках приобрело тусклый оттенок. Друзья направились к ближнему ангару, где инженерные бригады почти закончили переоборудование похищенного корабля Имперского казначейства. Они смонтировали другую обшивку корпуса, удалили все опознавательные знаки и изменили обводы так, что судно было не узнать.

Якссон встал у двери ангара, с наслаждением вдыхая запах горячего металла и химикатов.

– Новые двигатели уже установили. Этот корабль довольно неожиданный трофей, надо сказать. Мы прибережем его как особый сюрприз, на крайний случай.

Лето внимательно изучил очертания судна. Оно было размером с дворянскую яхту, но в нем чувствовалась некая древность.

– И что в нем такого особенного?

– Этот корабль не числится в реестре Космической Гильдии. На нем я могу полететь куда душе угодно.

Лето продолжал разглядывать архаичный на вид корабль.

– Как же ты сможешь перемещаться между звездными системами? Без лайнера-носителя, без Навигатора?

– Точно так же, как Союз Благородных путешествовал по галактике до Батлерианского джихада. – Шагнув в ангар, Якссон приблизился к кораблю и погладил пластины корпуса. Лето вошел следом. Внимание обоих приковали к себе мощные дюзы.

– Тут стоит старинный сверхсветовой движок – такие использовала Армия Человечества, когда уничтожала мыслящие машины по всей Синхронизированной Империи. – Якссон поджал губы. – Он не такой быстрый, как двигатели, сворачивающие пространство – вместо нескольких минут может потребоваться неделя или больше, чтобы добраться до точки назначения, – но неплохо в качестве спасательной шлюпки.

Лето даже растерялся:

– Где ты раскопал такую технологию? В наши дни это неслыханно!

– Не то чтобы неслыханно, просто малоизвестно, – улыбнулся Якссон. – Работая вместе с матерью в цитадели КАНИКТ на Танегаарде и с братом в Серебряной игле на Кайтэйне, я узнал, что у Картеля есть несколько таких сверхсветовых кораблей. Секретный флот на службе коммерческой компании, охватывающей бесчисленные звездные системы. Совет директоров не мог себе позволить полной зависимости от Космической Гильдии. Вот так КАНИКТ и сохранил собственные корабли для использования в экстремальных обстоятельствах. Я тайком скопировал чертежи для личных нужд. Хотя у Картеля с Гильдией нерушимый договор о неразглашении маршрутов, мать говорит, что никому нельзя доверять. – Его улыбка стала еще шире. – Никому, друг мой.

Лето во все глаза смотрел на двигатель, качая головой.

– Никогда не думал, что кто-то еще использует это опасное старье.

Якссон по-свойски ткнул его в плечо:

– Я не прочь рискнуть, как тебе хорошо известно!

– Вот потому ты и ведешь дела с такими типами, как виконт Тулл, – проворчал Лето.

Якссон, похоже, не заметил его мрачного тона. Впрочем, лидер повстанцев вообще был не из тех, кто обращает внимание на чужие эмоции и улавливает тонкие нюансы.

– Джандро Тулл ничуть не хуже, чем все остальные наши храбрецы. Он совсем недавно присоединился к восстанию. Тоже надумал свергать Дом Коррино. Между прочим, предметы первой необходимости и продовольствие, которые ты самолично запрашивал для колонии Иссимо III, по большей части нам безвозмездно предоставил Дом Туллов. Разве ты этого не знал?

– Ты включил в списки и каладанский рис панди – без моего ведома, – заметил Лето. – Так что, технически, Каладан тоже внес свой вклад.

– Значит, мы все втроем герои! – рассмеялся Якссон. – Пожалуй, жители Иссимо III поставят памятник каждому из нас!

Лето мечтал лишь об одном – завтра сесть на лайнер и оказаться подальше от Носсуса. Он устал от притворства, устал скрывать нервное напряжение, ежедневный страх до мурашек по коже. Герцог напомнил себе план действий: как только он благополучно покинет планету и лайнер сделает какую-нибудь промежуточную остановку – сразу же отправить все сведения напрямую на Кайтэйн. К тому времени Гарни Холлик уже сообщит Императору, что герцог проник в ряды Союза Благородных, и силы Шаддама будут готовы действовать. Без всяких условий Лето раскроет местонахождение базы Носсус, а также личности остальных заговорщиков, открыто поддерживающих насилие и кровопролитие.

Хотя это шло вразрез с его принципами, он говорил себе, что взялся за эту задачу ради стабильности Империи – независимо от того, какую личную цену придется заплатить. Пускай у него и имелись свои вопросы к Шаддаму IV, террористы были намного хуже – они стремились разрушить саму структуру общества, верховенство издавна установленного закона. Он твердо настроился покончить с экстремистами. Хотя Якссон Ару считал его союзником, Лето накручивал себя против него. Он не мог забыть тех, кого Якссон уже покалечил или убил. Шаддам, несомненно, вознаградит его – и что более важно, Пол будет им гордиться.

Однако непосредственное участие в заговоре ур-директора Картеля Малины Ару добавляло сложностей. Если КАНИКТ поддерживает восстание – пойдет ли Шаддам на ликвидацию этой огромной торговой компании? Хватит ли на это власти самого Императора? Такой шаг вызовет ужасный переполох по всей Империи – возможно, даже начнется гражданская война.

Политика – это чудовище, пожирающее все на своем пути. Лето был рад, что Каладан самодостаточен и находится вдали от центра. Если потребуется, он затаится на родной планете вместе со своим народом, и они выдержат все потрясения.

Взглянув на озабоченное выражение лица герцога, Якссон обнял его за плечи и вывел из ангара.

– Я вижу, что ты волнуешься, друг мой, – негромко произнес он. – Меня тревожит то же самое.

– То же самое – это что? – осторожно поинтересовался Лето.

– Я доверяю нашим товарищам по этой великой борьбе – правда доверяю. Но при такой опасной деятельности кто-то может допустить трагическую ошибку, или открыто предать нас. Мне пришлось принять определенные меры предосторожности. Своего рода страховка. Как последнее средство.

Когда они дошли до молодой оливковой рощи – достаточно далеко от ангара, чтобы никто не услышал, – Якссон достал из кармана продолговатый камень из оникса, длиной с большой палец, гладкий со всех сторон, как речная галька. Он доверительно наклонился ближе к Лето. Сверкающие глаза казались чужими на изменившемся лице.

– Это камень памяти. Древняя технология, которую сегодня никто не сможет воспроизвести. Устройство для хранения данных. Огромной емкости.

– И что ты намерен там хранить? – спросил Лето.

– Информацию. – Якссон лучезарно улыбнулся. – Записи Картеля – коммерческие операции, незаконные сделки, поставки оружия, запрещенные технологии. Когда я работал в крепости КАНИКТ на Танегаарде, мне дали коды доступа – видишь ли, моя мать мне доверяла. Вводила в семейный бизнес, так сказать. Когда я узнал о существовании огромного хранилища данных для шантажа, так называемых «черных» архивов, то понял, что это оружие, которое можно использовать для нашего дела. В общем, я скопировал библиотеку с чрезвычайно секретной информацией – нарушение торговых соглашений, предательство, дворянские интриги.

– Поясни подробнее, – спокойно произнес Лето.

Якссон повертел камень в руках.

– Здесь содержатся доказательства секретных сделок между Ландсраадам и Картелем за многие века. Ни одна из них не заключена открыто и не обнародована впоследствии. Множество знатных фамилий, нелегальных операций, предательство деловых партнеров. Не только императорская семья погрязла в коррупции – больно все наше общество.

Лето наблюдал за ним, продолжая держаться уклончиво:

– Это выходит за рамки моего воображения.

– Помнишь историю о Туарне Вок? Диверсия при отправке груза, мошенничество со страховкой и случайная кровь на руках? В этом камне содержатся тысячи подобных историй, и каждая страшней предыдущей. – Якссон кинул взгляд в сгущающиеся сумерки. – Но даже от самых запутанных случаев нити ведут к Дому Коррино. Императорская семья страдает больше всех... и отчасти это коснется тебя, друг мой. И запятнает репутацию Дома Атрейдесов.

Теперь Лето покраснел:

– О чем это ты?

Якссон выглядел смертельно серьезным.

– Корпус сардаукаров содержится не только для защиты императорской особы, как ты мог бы подумать. – Его глаза сузились, а взгляд приобрел бритвенную остроту. – Знаешь ли ты, как твоего отца вынудили принять участие в бесчестном перехвате власти у Дома Колона? С чего бы такому в остальном порядочному человеку, как герцог Паулус, устраивать нападение и уничтожать конкурирующий благородный дом, если раньше он не проявлял подобных намерений? Уж точно не для того, чтобы заполучить планету Борхис!

– У меня уже были подозрения на этот счет и некоторые доказательства, поэтому с самого начала моего правления я отказался от всех владений Дома Колона. Я не хотел иметь с этим ничего общего.

– Да, но знаешь ли ты, что Император Элруд передел сардаукаров в форму Атрейдесов, чтобы обеспечить решительную победу?

По спине герцога пробежали мурашки.

– Я подозревал это, но не мог доказать.

– Зато я могу! – Якссон помахал камнем памяти. – Но Дому Атрейдесов ни к чему, чтобы эта информация получила огласку и вся Империя узнала, как твоим отцом манипулировали и обманывали его... а он проглотил все это.

Лето чувствовал, как закипает от гнева.

– Я не хочу, чтобы об этом стало известно!

– Представь, как это воспримут другие дворяне в Ландсрааде. Сколько влиятельных семейств будут натравлены друг на друга, как бойцовые псы на арене. Полный хаос! Если нам повезет, все они набросятся на Дом Коррино. Но, скорее всего, не раньше, чем добьются взаимного уничтожения.

– Ты ведешь очень опасную игру, Якссон.

– Опасную, да, но это не игра. – Лидер повстанцев задумался, разглядывая обсидиановую поверхность камня памяти. – Представь эффект домино, который вызовет эта информация, и ты поймешь поистине сейсмические последствия огласки – если она когда-нибудь произойдет.

Весь масштаб угрозы наконец дошел до сознания Лето.

– Но это только на крайний случай, – продолжал Якссон успокаивающим тоном. – Камень памяти всегда при мне, покрытый защитной пленкой и биополем. Он знает, жив я или мертв. Если я перестану подавать признаки жизни, пакеты данных будут автоматически отправлены на множество ретрансляторов, которые тайно установлены мной в сотнях миров Империи. Некоторые из них стоят на борту кораблей КАНИКТ или лайнеров Гильдии. Если передача начнется, остановить ее будет все равно, что пытаться поймать дождь.

Лето помолчал, стараясь перевести дух и собраться с мыслями, пока они стояли возле оливковой рощицы.

– Такая огласка вызовет потрясения по всей Империи, разожжет бесчисленные гражданские войны, семейные распри и прочие дразги. Наши нынешние представления о кровной вражде будут похожи на детский лепет. Ты даже не представляешь всех разрушительных последствий...

– Разумеется, но самые отважные и находчивые семьи соберут осколки и будут процветать, даже если на это потребуется несколько поколений. – В окончательно наступившей темноте Якссон направился обратно к главному зданию. – Я бы предпочел разрушить Империю несколько иначе, но это, безусловно, приведет к нужному результату. – Казалось, лидер повстанцев гордится своим умом. – Это идеальный вариант.

Лето не сомневался, что этот человек поступит именно так, как угрожает, не заботясь о последствиях. Весь план летел к чертям. Если он отправит свой секретный отчет на Кайтэйн и имперское правосудие устроит рейд на планету, фанатичный руководитель повстанцев с радостью падет в последней славной схватке и обнародует убийственную информацию.

– Мы должны сделать все, чтобы тебе никогда не пришлось этим воспользоваться, – пробормотал Лето.

Герцог чувствовал всю серьезность ситуации. Он знал, что Якссон учился у своей матери, готовясь занять высокий пост в Картеле, но Малина Ару, пускай даже молчаливо поддерживающая движение Союза Благородных, не могла и помыслить, что у ее сына имеется такая бомба замедленного действия!

Несомненно, Якссон понимает, что огласка данных из «черных» архивов погубит и сам Картель.

Или ему на это наплевать?

Сохраняя невозмутимый вид, Лето ощутил еще большую решимость уничтожить этого человека вместе со всеми сообщниками.

И тут ему стало трудно дышать, когда в голову пришла следующая мысль: Джессика теперь новая наложница Джандро Тулла, еще одного соратника повстанцев. Если Шаддам когда-нибудь узнает, что Тулл один из предателей, тогда... Герцог прекрасно знал, как Император поступит с виконтом и со всей его планетой.

Ему предстояло найти какой-нибудь способ разрешить эту проблему, но Лето чувствовал себя так, словно тонет в зыбучих песках.

*Не все секреты мрачны, но большинство из них таковы.
Поговорка времен Батлерианского джихада*

Благодаря подготовке Бинэ Гессерит Джессика оставалась сугубо номинальной наложницей виконта Тулла. Удивительно, но такая ситуация устраивала обоих.

Этим сырым, прохладным утром Джессика собралась на одиночную верховую прогулку, почувствовав свободу, которой раньше не замечала. И она, и Джандро четко понимали свои роли, в частной жизни иные, чем на публике. У них имелись общие секреты, и каждого связывали определенные обязательства.

Она почувствовала азарт и страх, когда виконт позволил ей взять одного из чистокровных скакунов просто покататься. Эти животные считались одним из самых ценных активов Дома

Туллов – со знаменитой родословной, тянущейся вглубь веков, – и никогда не продавались посторонним покупателям.

Джандро хотел поехать с ней, но был занят деловыми вопросами – возможно, выполнял какую-то работу для повстанцев. Накануне вечером произошел инцидент с беженцами: сотни людей на лайнере Гильдии прибыли искать убежища на Элегии после того, как их планета была уничтожена в результате загадочной атаки сардаукаров – точно так же, как это случилось с Домом Верденов на Дроссе. Джессика не знала, какой именно мир подвергся нападению, но слышала, как виконт оплакивал потерю собрата-дворянина и сетовал, что выживших так мало.

Погруженный в политические дела, он отдал распоряжение старшему конюху подготовить жеребца спокойного нрава. У угольно-черного коня по кличке Тивви была необычная белая манишка на груди и такие же чулки. Взяв скакуна за поводья возле главного сарая, Джессика погладила его шею, затем потрепала по морде. Она обрадовалась, когда гордое животное доверчиво потерлось носом о ее ладонь.

Старший конюх, жилистый смуглый малый по имени Дарси, наблюдал за ними.

– Вижу, вы знаете толк в лошадях, миледи.

Джессика с тоской подумала о временах, когда ездила на верховые прогулки вместе с Лето.

– Кое-что понимаю.

Затем она вспомнила, что конюшни замка Каладан закрыты на какое-то время, а большинство лошадей отправлено на равнинные пастбища вглубь континента.

Услышав возмущенное фырканье, Джессика заметила другого жеребца – тот высунул голову из стойла и смотрел прямо на нее. Он снова заржал и топнул копытом, разрывая землю. Джессика повернулась к конюху:

– Я смогла бы справиться и с беговым жеребцом.

– Полагаю, что смогли бы, миледи, но лорд Тулл никогда не позволил бы вам выехать одной на таком коне, а у меня приказ. – Он похлопал Тивви по боку. – Это лучший скакун для вас на сегодня, добрый и спокойный, пускай у вас и есть опыт.

Несмотря на уверенность в себе, Джессика подумала, что чересчур дерзкий жеребец может оказаться ей не по силам. Возможно, она сядет на него в другой раз, когда Джандро будет ее сопровождать.

Вскочив в седло, она устроилась поудобнее и на секунду замерла, прислушиваясь к лошади. Наблюдая за поведением Тивви, она сравнивала его с другими лошадьми, на которых ездила. Немного попривыкнув, она вывела чистокровного жеребца из сарая на солнечный свет. Великолепное животное, похоже, так же было взволновано возможностью поразмяться, и Джессика задумалась: действительно ли Тивви такой спокойный, как уверял конюх. Он шел рысью, споро и энергично реагируя на малейшее прикосновение ее ноги.

Джессика отыскивала главную тропу, ведущую через лишайниковую рощу вверх по склону – в то место, которое Дарси назвал «холмами для скачек». В нескольких километрах в противоположном направлении раскинулся космопорт Элегии, и она вспомнила, как впервые пришла сюда и встретила с виконтом, к которому ее приставили...

Позади из сарая выехал еще один всадник и последовал за Джессикой – не теряя ее из виду, но и не приближаясь. Джессика знала, что теперь за ней присматривают не от недоверия, а ради ее же личной безопасности. Она была готова с этим смириться, хотя бы с виду. Не так давно ей удалось перехитрить соглядатаев – пробираясь по лесистым холмам, она ускользнула от них, чтобы скрытно понаблюдать за таинственными делами виконта. Так она и обнаружила секретные поставки оружия – и это изменило между ними все.

Посреди поросшего травой склона тропа забирала вправо, огибая потрескавшийся скальный выступ, а дальше спускалась к небольшому болотцу, пересекала луг и снова поднималась.

лась вокруг скал к макушке холма. Оглядываясь через плечо, Джессика по-прежнему видела маленькую фигурку всадника, следовавшего далеко позади.

Добравшись до вершины, Джессика спешила и окинула взглядом окрестные холмы, лишайниковые заросли, луга с полевыми цветами и голубое озеро. Она увидела едва заметную тропинку, идущую в направлении озера, и пошла по ней, ведя Тивви в поводу. Когда она поняла, что это всего лишь петляющая охотничья тропка, склон стал круче. Битый камень под ногами делал почву опасной для лошади. Джессика потянула за поводья, чтобы развернуть коня и идти обратно, но камни крошились и выскальзывали из-под копыт жеребца, и вскоре он начал хромать.

Джессика осмотрела копыта Тивви и обнаружила, что между подошвой и подковой застрял маленький острый камешек. Она снова погладила лошадь по шее, чтобы успокоить, затем порылась в небольшой седельной сумке в поисках подходящего инструмента и была раздосадована, поняв, что конюх ничего туда не положил. Она собиралась всего лишь на короткую прогулку, но все равно! Джессика опять взяла копыто в руки и попыталась подцепить камень пальцами, но не смогла выковырять его из-под края подковы.

В очередной раз пытаясь успокоить животное, она погладила его по морде.

– Ты сможешь дойти обратно?

Она повела жеребца вверх по склону, стараясь вернуться на прежний путь. Тивви продолжал хромать. Перевалив наконец вершину, они пошли по более пологой тропе через рощу.

Внезапно Джессика услышала резкий шум – грохот камнепада. Неустойчивые валуны пошатнулись в рыхлом грунте, соскользнули по склону и рухнули на тропу, ведущую обратно к поместью. Хотя это произошло достаточно далеко, конь испугался и вырвал поводья из ее рук. Несмотря на хромоту, Тивви умчался с тропы в заросли лишайниковых деревьев.

Ругая себя за то, что позволила ему сбежать, Джессика позвала жеребца, но безрезультатно. Решив вернуться в конюшню за помощью, она обнаружила, что гряда камней полностью перегородила проход. Джессика перелезала через обломки, стараясь наступать на куски покрупнее, но камни шатались и выскальзывали из-под ног. На половине пути через свежий обвал она услышала стук копыт. К ней приближался Джандро Тулл на другом вороном жеребце – очевидно, он сменил всадника, присматривающего за ней, и приехал лично.

– Сейчас, я помогу тебе спуститься!

Он спешил, а Джессика продолжала продвигаться ему навстречу. Одна из нижних глыб раскололась, и крупные обломки заскользили прямо на Джандро. Виконт отскочил в сторону, и камни пронеслись через то место, где он только что стоял. Когда вторичная лавина сошла, Тулл снова приблизился к рыхлой куче, через которую пробиралась Джессика. Он протянул ей руку, пытаясь помочь. Лошадь нетерпеливо пританцовывала позади него, словно стремясь поскорее продолжить путь.

Хотя Джессика почти справилась сама, она позволила виконту помочь ей спуститься на твердую почву. Она знала, что он хорошо воспитан и обучен придворным формальностям – пускай даже это было напоказ, хотя за ними никто не наблюдал. Когда она, наконец, остановилась передохнуть на лугу, подальше от оползня, Джандро кинул на нее долгий взгляд, будто ожидая благодарности. Она улыбнулась и любезно кивнула:

– Благодарю, Джандро. Увы, здесь не было свидетелей вашего галантного жеста.

– Ты его видела, и этого более чем достаточно.

Он подозвал своего скакуна и кивком предложил Джессике забраться в седло, но она покачала головой:

– Я хочу вернуться в конюшню и прислать кого-то за Тивви. Нужно осмотреть его копыто. Джандро выглядел разочарованным.

– Как хочешь. Я отправлю Дарси на поиски. У него это хорошо получается, и лошади его любят. Что касается Тивви, то его лучшие дни давно миновали, но я все равно хочу, чтобы он был здоров и счастлив. Это прекрасный конь с хорошей родословной.

Джессика пошла по тропе, Джандро держался рядом, ведя лошадь за собой. Он продолжал объяснять:

– Эти редкие и красивые животные поколениями принадлежали исключительно Дому Туллов – до недавних пор, когда император похитил некоторых из них. Он мерзкий, равнодушный человек, и он их не заслуживает. К несчастью, все украденные лошади трагически погибли – их отравили.

Джессика встревоженно взглянула на него:

– Отравили? Среди его верных слуг нашлись предатели? – Она пыталась узнать больше подробностей по выражению лица виконта.

– Кто знает? У императора много врагов, и все они ищут любые способы, чтобы причинить ему вред. Но Шаддама Коррино все равно никогда не интересовали эти лошади – разве что как трофей, который можно было отобрать у меня. – Он помрачнел. – Я... Мне очень жаль этих бедных животных. Они не виноваты, что их использовали в качестве пешек в угоду императорской жадности.

Совершенно неожиданно Джандро взял Джессику под руку. Та удивилась такому жесту, поскольку они условились: она его наложница только для виду и не более того. Тем не менее, из дружеских чувств она не отдернула руку, и они отправились дальше, ведя лошадь за собой.

Однако, когда тропинка сузилась, они тесней прижались друг к другу. Джессика вспомнила времена вместе с Лето на Каладане – как они держались за руки, будто подростки, сладость поцелуев – не только в головокружительном порыве новой любви, но и все последующие пятнадцать лет тоже. Хотя имелись и возможности, и общественные ожидания – особенно со стороны Ордена сестер, – Джессика отказалась спать с Джандро Туллом. Многие дамы на Элегии искали встреч с этим красивым мужчиной, но он проявлял мало интереса к романтическим приключениям.

Да, какое-то время Джессика будет играть роль наложницы Тулла, обеспечивая ему необходимое прикрытие. Император Шаддам решит, что Дому Туллов нечего скрывать от посторонних глаз, если виконт допустил представительницу Бинэ Гессерит так близко к себе. Но теперь она сама была неразрывно связана с восстанием, поскольку стояла рядом с Туллом, пока тот записывал свое послание мятежникам.

Она боялась – что же подумает Лето, если он действительно близок к Якссону Ару и вдруг посмотрит эту запись. Увидит ли он настоящее послание, переданное движениями ее пальцев?

Мягко, но решительно она высвободила руку. Хотя Джандро Тулл не пытался соблазнить Джессику, он явно начинал о ней заботиться. Он ценил ее общество и советы, и Джессика уважала виконта, несмотря на его опасную политику. К тому же она была перед ним в большом долгу, ибо он помог ей спасти Пола от ассасинов Сестринства – опасных экстремистов. Никто здесь не знал об этом, но она не могла этого забыть.

Пускай ее положение на Элегии было вполне сносным, но Джессике не терпелось поскорее возвратиться на Каладан. Она выполнила то, что требовала мать-настоятельница Харишка, но сомневалась, что ей позволят вернуться домой, к сыну и герцогу. И примет ли ее Лето вообще?

Джессика решительно сжала зубы. Она может сделать гораздо больше, чтобы заставить Сестринство быть ей обязанным.

Пока они приближались к конюшням, Джессика обдумала то, что скажет виконту. Джандро это не понравится, но в итоге будет выгодно им обоим.

– Вы... – мы! – занимаемся опасными делами. Я на вашей стороне, но Бинэ Гессерит наблюдает за нами обоими, а Император следит за вами из-за ваших связей с опальным Домом Верденов.

– А также из-за новой партии беженцев, которых я принял, – помрачнел виконт. – Шаддаму Коррино чудятся мятежники в каждой тени. Он уже посылал сюда своих головорезов-сардаукаров, но они ничего не нашли. – Джандро скривил губы в ухмылке. – Мне нечего было скрывать... по крайней мере, в то время.

– Зато теперь есть.

Виконт шагал, глядя прямо перед собой. Конь позади них закусил зубами уздечку, издав противный металлический скрежет. Джандро не обратил на это внимания.

– Совершенно верно. Теперь есть.

– Я знаю способ упрочить ваше прикрытие, чтобы развеять любые оставшиеся подозрения Бинэ Гессерит. Мы дадим им то, чего они хотят, но на ваших собственных условиях.

Теперь Джандро остановился и повернулся, глядя на нее.

– Я больше не хочу иметь никаких дел с этим вашим сборищем ведьм! Чего им еще надо? Я уже принял тебя в свой дом.

– Они всегда хотят большего. – Джессика не пыталась скрыть горечь в голосе. – Ваш отец был крупным спонсором Сестринства. После его смерти вы не только изгнали его наложницу с Элегии, но и урезали издавна установленную стипендию Дома Туллов Школе Матерей. Это задело Бинэ Гессерит сильнее, чем унижение по отношению к одной из сестер.

Джандро выглядел возмущенным:

– У меня найдется более важное применение для денег Туллов!

– И в Школе Матерей задумались: а что же вы делаете со средствами, которые раньше направлялись им? Возможно, они пытаются это выяснить с помощью имперских аудиторов. Мы оба знаем, что вы превращаете солярии в экипировку для повстанцев, но зачем давать лишний повод для проверки?

– Так что же, я должен им заплатить?

– Смотрите на это как на инвестиции – и с деловой, и с личной точки зрения. Если вы возобновите пожертвования, хотя бы на время, то Бинэ Гессерит больше не будет подозревать вас в том, что вы что-то скрываете, – а Вещающая Истину шепнет это заключение на ухо Императору. А еще это убедит Мать Школы, что я действительно выполнила свою миссию здесь.

На лице виконта отразилась внутренняя борьба.

– Ну, если это пойдет тебе на пользу...

– Это пойдет на пользу нам обоим. А что еще более важно, Дом Туллов оставят в покое.

Наконец они добрались до конюшен, взмокшие и румяные после долгой прогулки. Джандро передал лошадь старшему конюху и велел ему выслать в лес людей на поиски жеребца Джессики.

Когда они вновь остались одни, виконт произнес:

– Ты говоришь искренне, и я приношу извинения за то, что сперва вспылел. Мне противна сама мысль платить больше этим ведьмам-манипуляторшам... но все же ты права. Выгода важнее моей гордости. Пускай они снова считают меня своей дойной коровой. – Он кивнул. – Я восстановлю пожертвования в том же объеме, что платил мой отец. До тех пор, пока не решу иначе.

Джессика не ощущала победы, продвинув интересы Сестринства, однако, возможно, увеличила собственные шансы вернуться к прежней жизни.

Даже когда человек тренируется до предела, физически и умственно, он все равно может потерпеть поражение.

Мастер меча Джул-Норет, основатель Школы Гиназ

Пол и Дункан сидели друг напротив друга в библиотеке замка Каладан, наблюдая за противоборством двух армий – происходящим, по крайней мере, в воображении Пола. На пирамидальной доске Хеопса были расставлены два набора фигур – из гагатowego обсидиана и каладанского нефрита.

Сафир возвышался позади них суровым арбитром, сосредоточенным и хмурым, как обычно. Пол не двигал ни единым мускулом, будто впал в абсолютный транс прана-бинду. Уставший ждать Дункан Айдахо поторопил:

– Ты когда-нибудь сделаешь ход, парень?

– Конечно, – ответил Пол, не пошевелив и пальцем, а про себя подумал: «Еще не время». Он продолжал внимательно изучать позицию. Старый ментат, похоже, был доволен его подходом.

– Пирамидальные шахматы – это просто игра! – заявил Дункан, прождав еще минуту в тишине. – А игры должны быть веселыми!

– Но также и поучительными, – заметил Сафир. – Это хорошая гимнастика для ума.

Пол поднял руку, собираясь двинуть фигуру пехотинца, но передумал и вновь опустил, все еще размышляя. Теперь тон ментата изменился:

– Должный анализ – это похвально, молодой господин, но промедление и нерешительность никогда не принесут вам победы в игре.

– Или в войне, – добавил Дункан. Они с Полом посмотрели друг на друга через доску. На некоторых клетках стояли фигуры: императрица, принц, принцесса, вещающая истину, мастер меча, доктор Сукк, ментат и четыре сардаукара.

– Выигрыш или проигрыш в битве зависит от ума и военной подготовки. Так учили меня вы с Сафиром. – Вскинув бровь, Пол поднял нефритово-зеленого доктора и воспользовался благоприятной возможностью. – Нужно учитывать малоизвестные правила, поскольку они могут сработать в ваших интересах. – Он поставил доктора на верхний уровень среди ониксовых фигур Дункана, взяв сардаукара, стоявшего рядом с императрицей. – Ход называется «Замок разума». Допускается лишь при именно таком расположении фигур, и теперь я пробрался в незащищенную зону императрицы.

Дункан раздраженно хмыкнул:

– «Замок разума»? Что это еще такое, черт побери?

Старый ментат заинтересованно шагнул ближе и проанализировал обстановку на доске. Его губы, покрытые красными пятнами сока, растянулись в улыбке:

– Сдается мне, молодой господин победил тебя, Дункан Айдахо! Он действовал строго по правилам!

– Такие дурацкие правила не учат ничему полезному в реальной жизни! – Мастер меча насупил и опрокинул набок фигурку императрицы, уступая партию.

– Тем не менее, я выиграл, – усмехнулся Пол. – И приму победу, даже если она сама свалилась мне в руки. – Он поднялся, потянулся и потер затылок. – Но вообще-то я согласен с Дунканом насчет реальной жизни. Пускай эти приятные упражнения улучшают мой интеллект и сообразительность, но я бы предпочел физические занятия на пределе сил. С тех пор, как мы посетили деревню муадха на севере, я постоянно думаю о восхождении на Скалы Аронди.

Вы знаете, что я освоил стены замка и морские утесы, но эта задача гораздо сложнее. Мой дед покорил эти скалы.

– А многие другие там погибли! – резко возразил ментат. – Это слишком опасно. Ваши родители никогда бы этого не позволили.

– Из дня в день мне твердят, что матери с отцом рядом нет. Разве не мне самому решать? На меня возложена большая ответственность. Я должен быть готов к любым испытаниям.

Дункан потянулся и резко оттолкнул доску в сторону, опрокинув еще несколько фигур.

– Если хотите экстремальных тренировок, у меня есть идея получше – более суровое испытание, которое мы сможем пройти вместе. Воспринимайте это как очередную... игру.

– Более суровое, чем восхождение на вершину скалы? – заинтригованно спросил Пол.

Мастер меча улыбнулся:

– И весьма опасное – если только вы не боитесь.

Пол уже принял решение:

– Я знаю, что вы будете меня оберегать, но также постараетесь, чтобы я выложился до конца. Это как раз то, что мне нужно.

Дункан встал и скрестил руки на своей широкой груди.

– Это простое базовое упражнение – охота; но в этой опасной игре охотник одновременно и дичь. Мы отправимся в наиболее дикую местность, вглубь Южного Континента. Только вдвоем. Я стану охотиться на вас, а вы постараетесь выжить.

– А мне тоже можно будет охотиться на тебя? – с любопытством спросил Пол.

Дункан пожал плечами:

– Можете попробовать, молодой господин. Я хочу дать вам опыт выживания в дикой природе, подобный тому, что сам я получил мальчиком на Гайеди Прим, когда Тварь Раббан охотился на меня.

– Мне не нравится, как это звучит, – предупредил Сафир. – Вам следует остаться в замке, молодой господин, как представителю герцога.

– Вам прекрасно известно, Сафир, что дела на Каладане движутся гладко благодаря множеству прочих доверенных лиц и советников, включая вас. – Пол взглянул на Мастера меча. – Как долго нас не будет, Дункан?

Айдахо задумался.

– Неделя или около того на Южном Континенте, и мы всегда будем на связи. – Его темные брови сошлись на переносице, когда он посмотрел на ментата. – Ты знаешь, что я позабочусь о безопасности мальчика.

Сафир Хават застыл неподвижно, просчитывая возможные варианты, но не нашел, что возразить.

Пол твердо и решительно кивнул:

– Такая тренировка оправдывает риск и будет стоить всех затраченных усилий. – Юноше и раньше приходилось бывать в дикой местности Каладана, но джунгли дальнего Юга оставались для него неизвестными. – Что нас там ждет, Дункан? Вы раньше уже исследовали это место?

– Джунгли малонаселены, хотя там встречаются разрозненные племена муадха. Но я хочу забраться подальше от тех мест, где они обычно охотятся в это время года. – Мастер меча, очевидно, все уже тщательно продумал. – Это станет именно тем испытанием, которое необходимо нам обоим.

Пол ощутил прилив энтузиазма.

– Сафир, вам придется присматривать за всеми бюрократическими делами несколько дней, пока нас не будет, а Гарни вскоре должен вернуться домой – он поможет в вопросах безопасности. – Юноша серьезно посмотрел на Дункана. – И не старайтесь действовать вполсилы. Мне не нужны поблажки.

- О, я и не собирался. В разумных пределах, конечно. Я не буду вас бить.
– Я вас тоже.

В любой сделке необходимо соблюдать баланс между безопасностью и выгодой, риском и вознаграждением. Однако, если последствия неправильного решения в худшем случае включают в себя полное уничтожение, потенциальную прибыль следует оценивать по иной шкале.

Инвестиционные правила КАНИКТ

Теперь, когда перерабатывающий завод Оргиз уничтожили, чтобы сохранить тайну, барону предстояло объяснить КАНИКТ, почему выгодный канал сбыта специи на черном рынке пришлось прикрыть. И ему не хотелось встречаться с ур-директором Ару на Арракисе.

К счастью, граф Фенринг и его надоедливый ментат не нашли никаких улик, свидетельствующих о преступлении, хотя сунули нос в каждую щель разрушенного предприятия. Барон не сомневался в умении своих людей валять дурака, но любая нечаянная оплошность могла привести к фатальным последствиям.

Предоставив Фенрингу возможность копаться в руинах и расследовать сколько душе угодно, барон отбыл на Гайеди Прим, сославшись на неотложные дела Дома Харконненов. Он договорился, что директор прилетит туда – не для того, чтобы пресмыкаться перед ней или оправдываться, а чтобы определиться, как они смогут продолжать взаимовыгодные отношения даже с утратой этого секретного завода по переработке специи. А после этого он собирался отправиться на Ланкивейл, чтобы посмотреть, что Раббану удалось вытянуть из пленника-Атрейдеса. Но в первую очередь – дела на родной планете.

Гайеди Прим гудела как улей – современный цивилизованный мир с массивными административными зданиями, мануфактурами, оружейными заводами и всем прочим. Барон полной грудью вдохнул родной воздух, казалось, насыщенный ароматами прибыли и технологий. Он наслаждался видом летательных аппаратов, серым дымом в небесах, стройками циклопических масштабов. Затем отправился в свои роскошные апартаменты, где побаловал себя паровой баней, масляным массажем и плотскими удовольствиями с молодыми работниками сферы развлечений обоего пола.

Фейд-Раута зашел навестить дядюшку – холодный, уверенный в себе и красивый. Младший племянник вырос стройным и мускулистым юношей – совсем как сам барон в молодости, до того, как эта стерва, преподобная мать Мохайем, наслала на него болезнь. Несмотря на то, что операциями со специей заправлял старший брат Фейда, барон чувствовал, что этот молодой человек куда лучше годится на роль его собственного преемника.

Разумеется, он понимал, что Фейд пока незрел, излишне амбициозен и безжалостен. Возможно, молодой человек еще не обладал терпением и хитростью – качествами, необходимыми настоящему барону. Еще предстояло выяснить, как Фейд справится с задачей, поставленной перед ним дядей – нанести ненавистным Атрейдесам сокрушительный вред. Предполагалось, что это продемонстрирует его мастерство. До сих пор результаты были разочаровывающими и неубедительными.

Принимая молодого человека у себя в апартаментах, барон не смог сдержать улыбки. Племянник обладал кошачьими манерами и любил дорогую свободную одежду, не сковывающую движений. Он слыл не только лихим молодым дворянином, но и смертельно опасным бойцом, вновь и вновь проявляющим себя на арене для поединков.

Войдя, юноша почтительно поцеловал руку барона, чем вызвал у старика кратковременный прилив умиления.

– Я не ожидал, что вы вернетесь так скоро, дядюшка. Позвольте мне представить отчет о состоянии дел на предприятиях Харконненов. – Горделивая улыбка Фейда стала шире. – И я также опишу прочие планы, которые у меня в разработке.

– Я по-прежнему жду результатов, мой дорогой Фейд. Мечтаю увидеть страдания Атрейдесов. Твой брат уже причинил им большой вред, распространив биологическую чуму, которая уничтожила крупнейшую экспортную отрасль Каладана.

Лицо молодого человека вытянулось.

– Верно, а герцог Лето ответил контрударом, нанеся соразмерный ущерб владениям моего брата на Ланкивейле. Вряд ли это можно назвать победой, – фыркнул он. – Кроме того, ваши инструкции заключаются в том, чтобы причинить личные страдания, а не убивать кучу рыбы. – Племянник понизил голос. – Я боюсь за экономику Империи, если мой брат втемаяшил себе в голову, что способен вести торгово-сырьевые войны.

Барон усмехнулся в ответ.

Фейд продолжал:

– Я долго и тщательно разрабатывал свой план, и он уже привел к кровавой заварушке, хотя и не принес Атрейдесам такой сильной боли, как я надеялся. Но это еще не все. Кровь и беспорядки окупятся, я обещаю.

– Тогда я буду ждать, мой дорогой Фейд. Не хочу портить себе сюрприз.

У барона имелись и собственные сюрпризы в работе, планы, неизвестные даже его племянникам. Втайне он все круче и круче брал в оборот доктора школы Сукк при Доме Атрейдесов – Веллингтона Юэ. Об этом не подозревал никто.

Также барон был осведомлен о рискованном плане герцога Лето внедриться в ряды жестоких повстанцев, притворившись одним из них. Можно ли это как-нибудь использовать против герцога? Потенциал казался огромным! После встречи с директором КАНИКТ он присоединится к Раббану на допросах Гарни Холлика. Больше ни одна живая душа не знает, что чрезвычайно тайное послание герцога Императору Шаддаму перехвачено.

– Кстати, существует множество способов нанести ущерб Дому Атрейдесов, – задумчиво добавил барон. – Нам не обязательно ограничиваться только одним.

Глаза Фейда сверкнули:

– Расскажите же мне о своих планах, дядюшка!

– Ну-ну, кое-что мне приходится хранить в секрете. Все сам увидишь, как только эти планы осуществляются.

Их беседу прервал посыльный, сообщивший, что прибыл частный корабль КАНИКТ и ур-директор Малина Ару направляется в резиденцию Харконненов. Барон взглянул на племянника, подумывая отпустить его, но решил, что молодому человеку полезно понаблюдать за этими сложными переговорами. В конце концов, однажды он может стать бароном.

Директор вошла через час, с официально-нетерпеливым видом, будто хотела получить объяснение – зачем ее отвлекают от собственных дел. В строгом костюме, без украшений, коротко подстриженные темно-каштановые волосы уложены в аккуратную прическу.

– Я прилетела по вашей просьбе, барон, хотя множество дел Картеля не терпят отлагательств. Меня ждали в другом месте, но вы дали понять, что хотите сообщить нечто важное. – Малина нахмурилась. – Надеюсь, у вас это не войдет в привычку.

На этот раз ее сопровождал единственный пес, хотя и один хищник с серебристым мехом казался таким же опасным, как сама Малина Ару. Он послушно следовал рядом с хозяйкой, и лишь глаза цвета меди сверкали сдерживаемой яростью.

При виде пса Фейд одновременно пришел в восторг и испугался, отчего спросил в излишне вольной манере:

– Только одна ищейка? Что случилось с другой?

Тон Малины мгновенно стал ледяным:

– Кар болен, и за ним сейчас ухаживают. Я ожидаю, что он полностью поправится. – Второй пес принялся и тихо заскулил. – Надеюсь, с вашими ищейками все в порядке? Немногие заслуживают такого впечатляющего подарка. Раз и навсегда привязавшись к хозяину, они становятся самыми преданными друзьями.

– Мои оказались... э-э... – Фейд смущенно отвел взгляд. – Бракованными. От них пришлось избавиться.

Малина смерила его взглядом, похожим на удар хлыста. Она выглядела потрясенной и не могла сдержать отвращения.

– В каком смысле – бракованными? Их что, усыпили? Мне потребовалось значительное влияние, чтобы заставить тлейлаксу вывести для вас этих щенков.

Молодой человек возмущенно расправил плечи:

– Их насмерть зарубил мой Мастер меча, когда эти звери пытались меня загрызть! – Его голос звучал так, будто он обвинял Малину. – Мы поехали на охоту. Они разорвали на куски моего егеря, а затем погнались за мной. Я бы погиб, если бы не учитель фехтования.

Малина была настроена не менее обвиняюще:

– Вы должным образом прошли процедуру импринтинга?

Фейд фыркнул:

– Разве я виноват, что эти твари такие злобные?

Барон примирительно поднял руку:

– Послушайте, я уверен, что это ошибка тлейлаксу. Продажная раса, ненадежная. А свирепый зверь есть свирепый зверь. – Он прищурил черные, как у паука, глаза. – Собственно, подsunуть таких смертельно опасных животных могли с целью устранения моего дорогого племянника.

Малина наклонилась и погладила своего пса.

– Вполне допускаю, что виноваты тлейлаксу. – Она вновь повернулась к барону. – Итак, может, перейдем к вашему срочному делу? Я должна быть на орбите прежде, чем уйдет лайнер. Мне нужно провести важную встречу, а потом я смогу вернуться к заботам о Каре.

Барон приказал принести угощение – меланжевые пирожные, превосходные вина, засахаренные фрукты и меланжевый мед; но Малина Ару не проявила никакого интереса к подобному гостеприимству.

– К сожалению, госпожа директор, произошла неудача. Наш нелегальный канал поставки специй пришлось обрубить, по крайней мере, на некоторое время.

Малина нахмурилась:

– Почему? Разве это не выгодно для вас?

– Разумеется, выгодно, госпожа директор, но граф Фенринг каким-то образом обнаружил перерабатывающий завод Оргиз. Прежде чем он смог найти против нас улики, мне пришлось разобраться с этим делом.

– Разобраться? – Директор вскинула брови. – Как именно? – Пес рядом с ней угрожающе зарычал. – Вы ведь не убили Фенринга, надеюсь? Это привлекло бы слишком много внимания Империи.

– Нет! Я его не убивал! – поспешно выпалил барон. – У меня не оставалось другого выбора, кроме как сравнять завод с землей. Все превратилось в горелый шлак, никаких улик не осталось. Но это также означает, что у меня нет никакой производственной базы, необходимой для нашего сотрудничества – на данный момент. Пока я не создам альтернативный канал, нам придется приостановить операции со специей.

Малина Ару сидела, не произнося ни слова. Желая расслабиться и как-то разрядить обстановку, барон взял с подноса меланжевое пирожное и отправил его в рот. Фейд, по-прежнему не сводя глаз с настороженного пса, тоже потянулся к угощению.

Наконец, Малина нарушила молчание.

– Этот граф Фенринг – как хорек в погоне за крысой. Он продолжит задавать неудобные вопросы. Вы уверены, что наше сотрудничество не всплывет?

– Я пустил его по ложному следу, – усмехнулся барон, весьма довольный собой. – Привел убедительные доводы в пользу того, что этот завод скорее всего секретная база, созданная мятежниками Союза Благородных! Возможно, даже вашим сыном Якссоном. – Видя, как ошарашена Малина подобной версией, барон торопливо продолжил: – Отличная уловка! В этом вполне есть смысл, госпожа директор. Все знают, что повстанцам нужны огромные средства, дабы финансировать свою террористическую деятельность. Так почему бы не меланж? В общем, Фенринг отправился искать ветра в чистом поле.

Малина стиснула зубы, затем шелкнула пальцами так, что ее пес вскочил на ноги.

– Мне пора идти. Меня ждут неотложные дела, и я не могу пропустить свой следующий пункт назначения. – Она протянула руку и почесала Хара за острыми ушами.

– Как пожелаете, – откликнулся барон с легким вздохом облегчения. Он вовсе не собирался развлекать эту суровую женщину дольше необходимого. Он смотрел ей вслед, в то время как его племянник не мог оторвать взгляда от удаляющегося пса. Барон не мог сказать – мечтает Фейд о новой паре таких зверей или хотел бы убить этого.

Поскорей бы уже встретиться с Раббаном и жертвой его пыток. Надо расслабиться как следует.

Когда все кажется поистине потерянным и безнадежным, вы вполне можете быть правы.

Поговорка фрименов, пустынного народа с Арракиса

Гарни Холлику было не привыкать к боли и жестокому обращению. Он находился в полубреду, плавая в темном море между сном и явью, урывками приходя в сознание, возвращаясь из забытья... или смерти.

Хотя воин-трубадур участвовал во многих битвах, сейчас он испытывал самую страшную физическую боль в своей жизни. Голову сдавливало с боков, череп трещал, кровь стучала в ушах отбойными молотками, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Это давление не ослабевало часами, днями... Целую вечность. Откуда-то издалека донесся гортанный голос, до тошноты знакомый, бьющий по нервам. Раббан... Глоссу Раббан. Говорящая куча вонючего дерьма.

– Я разжимаю, дядя! Разжимаю! Еще немного, и...

Гарни чувствовал, как давление постепенно ослабевает, а может, он просто утратил способность что-либо чувствовать, а значит, смерть близка. Но сильная боль не проходила. Стало не легче, просто по-другому. Другой голос вторгся в сознание, басовитый и властный. Гарни узнал его – барон Владимир Харконнен.

– Смотри, чтобы он не сдох, Раббан... Это человек герцога Лето. Его нельзя убивать без моего позволения, а я еще не вполне готов позволить.

Не вполне готов, подумал Гарни. Отсрочка исполнения приговора, но сам приговор не отменен.

– Если бы вы не вмешались, я мог бы еще немного сдвинуть ему череп, не убивая его, – раздраженно заметил Раббан. – Хотя, возможно, он ослеп.

Гарни все еще не мог ничего разглядеть сквозь красную пелену.

В голосе барона зазвучал гнев, угроза вспыхнула, как яркое пламя:

– Ты что, смеешь со мной спорить?

– Простите, дядюшка. Конечно, вам видней, как лучше.

– Когда-нибудь ты научишься воздерживаться от крайностей, к которым тяготеет твоя душа. При действительно мучительных пытках объект всегда должен верить, что надежда есть. Доведи его до грани непоправимого вреда, но только до грани!

«Они что, считают, что я не слышу? – подумал Гарни. – Что я потерял сознание от боли?»

– Существуют ступени ниже порога необратимых увечий. На сегодняшнем уроке, Раббан, рассмотрим ногти и кости.

– Ногти и кости?

– Жестокие травмы и ужасающая боль, но ничего непоправимого. Ты можешь вырвать ногти, и они отрастут снова. Сломанные кости срастутся. Он будет знать, что раны заживут, и потому станет цепляться за эту надежду.

Раббан издал удовлетворенное ворчание:

– Хорошо, я сломаю ему несколько костей!

– Ай, да не просто какие-то там кости! Разберись немного в психофизиологии объекта! Это же Гарни Холлик. Сломай ему пару пальцев, необходимых для игры на бализете, и ты разобьешь ему сердце.

Голос Раббана послышался с другой стороны:

– Я буду поддерживать в нем жизнь и заставлю страдать! А потом мы убьем его! Но медленно... Станем отрезать по кусочку...

– Ты меня не слушаешь, племянничек.

Гарни хотелось вырваться из этого кошмара и прикончить обоих, но он не мог пошевелиться. Возможно, это тоже часть пытки.

Герцог Лето отправил его со срочным и в высшей степени деликатным посланием на руках. Но путешествие на Кайтэйн оказалось прервано – на Хармонтеле по вине Космической Гильдии произошла непредвиденная задержка. Во время этого бесконечного ожидания агенты Харконненов и обнаружили Гарни. Его схватили.

Из-за провала Гарни Император Шаддам не знал, что герцог Лето лишь притворяется, перейдя на сторону жестоких повстанцев.

А теперь его притащили сюда, на Ланкивейл! Во владения Раббана, в то самое место, куда Гарни и Дункан совершили недавно набег с войсками Атрейдесов.

Никто из Атрейдесов не знает, что он здесь. Герцог не знает. Послание не доставлено Императору – мерзкие Харконнены вырвали его из рук Гарни и просмотрели сами! Как они поступят с этой убойной информацией? Ему нужно поскорее вернуться на Каладан! Но сперва необходимо выжить.

Он вспомнил строфу из Оранжевой Католической Библии и цеплялся за нее. «Боль – это всего лишь боль, и у детей Божьих есть много способов от нее защититься: через воспоминания, через верность, через любовь и через веру».

Красная пелена перед глазами стала чуть светлее. Где-то за его спиной Раббан угрюмо произнес:

– Мы уже получили всю информацию, которой располагал этот тип. Как долго мне поддерживать в нем жизнь?

– Пока я не решу иначе. – Раскатистый бас перешел в смех. – Терпение, мой мальчик. Так ему будет еще больнее.

Темнота вновь сгустилась и Гарни, наконец, впал в беспамятство.

* * *

Очнулся Гарни оттого, что где-то вдали ругались мужские голоса... и от сильного запаха крови и рыбы. Он лежал на жестких носилках, удерживаемых гравиподвеской. Желудок скрутило, но Гарни поборол рвотный позыв. Странно, но на теле не было никаких оков, и теперь он смог сесть. Подняв правую ладонь, он с удивлением сжал пальцы. Гарни думал, что они сломаны, но, хотя суставы пульсировали болью, пальцы выглядели целыми. Ничего такого, что нельзя вынести. Доктор Юэ сможет это поправить, если когда-нибудь удастся вернуться на Каладан.

Голова кружилась, перед глазами стоял туман, в ушах раздавались раскаты грома. Поморщившись, Гарни перевалился через край покачивающихся носилок и поставил ноги на пол. Его шатало от боли и дезориентации. Оглядевшись, он понял, что находится в комнате ужасов. С потолка лился ослепительно-белый свет, отбрасывающий резкие тени. Гарни моргнул, и в глазах заребрило. Его окружали зловещие механизмы и ужасные приспособления: дробилки для костей, пилы для ампутации, шкивы и тросы для растягивания тел.

В дальнем конце камеры виднелась открытая дверь – дразнящая!

Он смутно припомнил разговор барона с Раббаном об изысканности пыток – перед жертвой должна маячить надежда. Надежда... например, открытая дверь. Хотя Гарни и подозревал неладное, у него не было другого выбора.

Голоса за дверью продолжали ругаться – доносились крики и оскорбления, характерные для драки. Не понимая, явь это или сон, Гарни подкрался к двери, готовый сразиться за свою жизнь или, по крайней мере, умереть на месте и положить конец пыткам.

Тяжело дыша, он вглядывался в полумрак коридора. Его собственная тень, отбрасываемая резким светом из камеры пыток, выглядела зловеще. Освещение в коридоре с одной стороны было более тусклым, и крики доносились оттуда, из-за угла. На стене металась тень двух охранников, избивающих друг друга в боковой комнате. Возможно, его собственных охранников, на какое-то время забывших о нем, учитывая, что он валялся без сознания.

Гарни взглянул в противоположном направлении. Там светлее, меньше теней, в которых можно спрятаться, но путь лежит туда – если только Гарни не хочет убить обоих охранников в попытке своего побега. Он слишком избит и слаб, чтобы так рисковать.

Ему нужно передать какое-то сообщение герцогу, дать понять, что его схватили. Или все же доставить послание Императору. Он не представлял, как можно тайком вывезти записку отсюда, а затем пронести через высочайшего уровня систему безопасности на Кайтэйне. Возможно, удастся отправить какое-нибудь отчаянное сообщение на Каладан. Сафир Хават поймет, что делать.

Скользкой боевой походкой, готовый к схватке, Гарни двинулся вперед. Более освещенная часть коридора закончилась тупиком с комнатами по обе стороны. Гарни отпрянул назад, увидев в одной из комнат Раббана и барона, сидящих за столом. Вокруг них сновали слуги, которые двигались так, будто боялись собственной тени. Они подавали огромные блюда с мясом, истекающим кровью и соком.

Гарни ощутил запах еды, и это было похоже на песнь сирены в голове. Это реально? Или еще одна изощренная часть пытки?

«Объект всегда должен верить, что надежда есть».

С великой осторожностью Гарни проскользнул в другую комнату, стараясь не потревожить пирующих в соседней. На одной из стен он обнаружил приборную панель. Передатчик? Местная связь? Невозможно, чтобы ему так повезло. Однако, после краткой вспышки радости, Гарни понял, что даже передатчик не принесет ему никакой пользы. Кто его услышит? Никакой сигнал, никакое сообщение никогда не достигнет Каладана. По всей огромной Империи

курьерам приходилось путешествовать лично, на лайнерах Гильдии, чтобы доставить сообщение конкретному получателю. Любая передача с Ланкивейла – это крик в пустоту. Этого понимания оказалось достаточно, чтобы разрушить всякую надежду.

Но тут Гарни улыбнулся. Кожа на лице натянулась, и он почувствовал грубый, жесткий шрам на щеке, напоминавший, что Раббан собственноручно поставил Гарни эту отметину. У него имелся альтернативный канал связи, о котором не знал никто из Харконненов. Во время недавнего карательного рейда, который они с Дунканом провели здесь, ударные силы Атрейдесов не только уничтожили объекты Раббана, но и тайно рассеяли по округе бесчисленные маленькие глазки-шпионы... замаскированные приборы наблюдения, в пассивном режиме фиксирующие активность Харконненов на этой мрачной, облачной планете. Их сигнальные пакеты, спрятанные среди служебных сообщений, тайно передавались на корабли, отбывающие с Ланкивейла, а дальше на корабли Гильдии, другие суда, пункты пересылки, в конечном счете попадая к Дому Атрейдесов.

Гарни нажал кнопку на панели управления и услышал тихий щелчок, когда линия включилась. Он настроил передатчик на точную частоту «глаз-шпионов», чтобы его сообщение добавилось к прочим разведывательным данным.

Тихим голосом, поскольку в горле пересохло – от крика? – Гарни представился и быстро произнес в микрофон:

– Скажите герцогу, что я захвачен Харконненами на Хармонтепе! В настоящее время нахожусь под стражей на Ланкивейле! Не могу вернуться на Каладан!

Он вздрогнул, когда его слова вернулись к нему громким эхом обратной связи. Ему так много еще нужно было сказать! Подчеркнуть, что на самом деле Император не получал объяснений Лето.

Позади в коридоре раздался громкий смех. Гарни резко развернулся, готовый к бою. В комнату вошли барон и его племянник – оба крупные, в одежде с оранжевыми вставками цвета Харконненов, в сопровождении нескольких вооруженных охранников.

Барон поцокал языком:

– Только взгляни на этого глупца, Раббан – думает, что кто-то из дружков услышит его передачу! Бросил свое послание в пустоту. Или ты предполагаешь, что твой сигнал примет местное китобойное судно? Тебя никто не услышит, хоть ты оборись!

Раббан, оторванный от трапезы, сжимал в кулаке здоровенную окровавленную кость. Сок капал на его тунику. У барона тоже виднелись капли крови на рубашке.

Хотя избитое и измученное тело Гарни болело, он был готов броситься на своих врагов. Долгие годы после рабских ям на Гайеди Прим он мечтал убить Тварь Раббана...

– Пойдем, пообедаешь с нами, прежде чем мой племянник продолжит тебя допрашивать, – предложил барон. – Сейчас мне необходимо вернуться на Арракис, но я дал Раббану четкие инструкции. Ты в надежных руках.

Гарни хлопнул ладонью по пульту, сбрасывая частоту, чтобы передачу нельзя было отследить. Они ничего не знают о шпионских камерах.

– Обед перед пыткой? Чтобы показать свое гостеприимство?

– Мы радушные хозяева, – кивнул барон. – И хотим, чтобы ты набрался сил перед очередным сеансом, когда мой племянник еще немного с тобой позабавится. А после этого я приготовил для тебя специалиста по допросам с более богатым воображением. Питер де Врие. Он называет себя «Архитектор боли».

Еще больше охранников спешило по коридору, приближаясь к ним. Гарни сплюнул на пол, не боясь никакой формы смерти, которой его могли подвергнуть.

– Тогда я принимаю ваше предложение. Обед придаст мне сил.

Раббан швырнул перед ним на пол окровавленную кость:

– Вот твой обед!

Как разъяренный салузанский бык, Гарни бросился на Раббана, надеясь вцепиться ему в горло, но охранники схватили его за руки и отшвырнули к стене.

Лицо Раббана побагровело. Он шагнул вперед и ударил Гарни в лицо окровавленным кулаком, затем повалил на пол и сильно пнул под ребра. И вдруг, будто заскучав, приказал охранникам оттащить пленника обратно в камеру пыток.

– Посмотрим, что Питер решит с тобой сделать. Ты еще будешь умолять, чтобы я вернулся!

*Доверие опасно. Используйте его умеренно и с большой осторожностью.
Аксиома Бинэ Гессерит*

Когда личный корабль Малины Ару приземлился на Носсусе, она с облегчением обнаружила, что герцог Лето все еще там. Малина не собиралась так скоро вернуться в штаб повстанцев, но глубокая озабоченность, выраженная ее ментатами, вынудила изменить планы. В глубине души она уже приняла трудное решение помешать сумбурным стремлениям Якссона, но ей хотелось оценить этого загадочного герцога и его знаменитый кодекс чести.

Она понимала, что для Картеля лучше идти иным путем, даже если ее радикальный сын не сможет в этом участвовать. Продвижение взглядов настоящего Союза Благородных в случае успеха привело бы к созданию стабильной, развитой цивилизации, но для того, чтобы это произошло, ей придется отразить и погасить крайнюю жестокость Якссона. Малина мечтала о будущем, которым Франкос и Джалма – ее хорошие и респектабельные дети – могли бы управлять, о процветающей системе миров и более могущественном Картеле.

А прочим экстремистам – тем, кто последовал за ее заблудшим сыном, – предстояла роль жертвенных агнцев, чтобы обеспечить прикрытие реальных планов ур-директора. Они станут лицом презируемого повстанческого движения, и когда будут уничтожены, Шаддам Коррино ни за что не догадается, что настоящая революция тихо продолжается под руководством Малины. Да, цель оправдывала средства.

Но в чем же тут интерес каладанского герцога? Якссон с огромной радостью принял Лето Атрейдеса в ряды повстанцев, но Малина не могла понять мотивов этого человека. Неужели он из тех жестоких новобранцев, которыми движет тайная тяга к насилию? Ей необходимо это знать, даже если Якссон смотрит на новообращенного друга через розовые очки. Сердце кольнуло иголкой грусти – она, родная мать, вовсе не друг Якссона...

Пилот доставил Малину на уединенную базу, которую ее сын построил среди бескрайних пастбищ – в усадьбу, не привлекающую внимания на планете с минимальным населением и очень похожую на старинные владения семейства Ару на Оторио. Малина хорошо понимала, почему сын выбрал именно это место.

Сохраняя свойственное ей выражение лица и манеру держаться, она ступила на мощеную щебнем посадочную площадку перед главным домом. На ней был все тот же удобный деловой костюм с логотипом КАНИКТ, в котором Малина посещала Гайеди Прим, но, дабы сделать сыну приятное, она приколотла на лацкан ленту семейных цветов – алого и черного. Хар выскочил вслед за ней, принохиваясь к воздуху, будто все еще искал своего напарника. Малине тоже его не хватало, и несмотря на все галактические интриги, ей хотелось поскорее вернуться на Танегаард, чтобы наблюдать за выздоровлением Кара... если только ветеринарные специалисты должным образом справятся со своей работой. Она сглотнула комок в горле, сосредотачиваясь на здешних делах.

– Мама! – Яксон выглядел искренне обрадованным, будто ее возвращение подразумевало некое материнское одобрение. Похоже, сын испытывал в этом психологическую потребность, сам себе не признаваясь. Он вышел навстречу, чтобы поприветствовать Малину. Рядом с ним стоял мужчина, в котором она узнала герцога Лето Атрейдеса. Обслуга усадьбы, переодетая фермерами, камердинерами и механиками, оставалась начеку, но никто из них не решился бы выступить против директора Картеля.

Пес завилял колючим хвостом и подскочил к Яксону. Сын присел на корточки и раскрыл объятия, здороваясь с Харом.

Лето держался спокойно и внимательно в присутствии собаки, и Малину впечатлила его осторожность, мудрость и понимание психологии хищников.

Яксон взглянул на мать пытливо и озабоченно:

– А где Кар? Ты всегда берешь в путешествия их обоих.

Малина непринужденно отмахнулась, но ее голос дрогнул от беспокойства, которое она не хотела показывать:

– За ним присматривают. Расстройство пищеварения. Пришлось оставить его на Танегаарде.

Густые брови Яксона сошлись на переносице:

– Что еще за расстройство?

Малина шмыгнула носом и почувствовала, как лицо залилось краской. Она не хотела говорить, но слова вырвались сами:

– Опухоль желудка. Звучит серьезно, но я нашла лучших ветеринаров.

До боли знакомое лицо сына побледнело. Он машинально продолжил почесывать Хара за ушами, но из голоса исчезла бодрость:

– Ты говоришь расстроено.

– Я здесь по другому делу, а потом сразу же вернусь на Танегаард, чтобы быть рядом с Каром. Приходится держать в голове много важных задач одновременно.

Яксон выкрикнул приказы персоналу: приготовить гостевые комнаты, поторопиться с обедом и сделать все возможное, чтобы устроить его мать поудобнее.

Малина предупредила:

– Я ненадолго. Дела Картеля отнимают много времени, и я должна продолжать путь.

Яксон поспешно скрыл разочарование покорным кивком:

– Понимаю. И тебе следует поторопиться к Кару. Остальные люди из моего ближнего круга все равно уже разлетелись выполнять свои задания. Я тоже вскоре покину Носсус для очередной встречи, а у герцога Лето свои собственные переговоры. – Он улыбнулся.

Лето кивнул с официальным видом:

– Я отправляюсь на Куарте, чтобы продолжить беседу с лордом Лондином. – Судя по голосу, восторга он от этого не испытывал.

Малина хлопнула рукой по колену, и Хар мгновенно вернулся к ней, словно на пружинах.

– Я прилетела к тебе с важной информацией. Поэтому так спешила.

– Тебе не нужны конкретные причины, чтобы посещать Носсус, мама, – улыбнулся Яксон. – Ты выразила свою поддержку нашему делу. Как только станут понятны истинные масштабы нашего восстания, остальная часть Ландсраада присоединится к нам. В конце концов, на нашей стороне сам герцог Лето Атрейдес!

Лето выглядел смущенным и явно чувствовал себя лишним. Он спросил:

– Вы хотите поделиться своей важной информацией с сыном наедине, или это касается и меня тоже?

– Оставайтесь с нами. Это касается восстания в целом, – пояснила Малина. Разнообразные мысли крутились у нее в голове. Она продолжила так, будто выступала с докладом на заседании правления: – На Арракисе было обнаружено и уничтожено незаконное производство

специи. Барон Владимир Харконнен сообщил о слухах, что операции на черном рынке тайно вел Союз Благородных – простой способ для повстанцев заработать значительные неучтенные средства. – Конечно, Малина знала, кому на самом деле принадлежал завод Оргиз, но доложить об этих слухах Якссону – неплохой отвлекающий маневр, чтобы скрыть истинную цель визита.

Сын удивленно открыл рот.

– У меня имеются некоторые источники финансирования, которые невозможно отследить, мама, но я не организовывал производство по сбору специй! – Якссон искоса взглянул на Лето, затем вновь обратил взор к матери. – Я всегда находил собственные средства и не нуждаюсь в ваших!

Малина кивнула:

– Да, я публично разорвала все контакты с тобой и прекратила любую финансовую помощь семье, так что аудиторы Императора не найдут между нами никакой связи. Но я знаю, что ты получаешь средства каким-то другим способом.

Лето едко пробормотал в сторону:

– Я бы не доверял ни единому слову барона Харконнена. Он коррумпированный и опасный тип, и его мотивы всегда извилисты. – Герцог взглянул на Малину, прищурив свои серые глаза: – Зачем ему сообщать вам такие слухи, госпожа директор? С какой целью?

– Потому что я представительница КАНИКТ. Барон поставляет меланж по всей Империи, по законным каналам. Конечно, между мной и ним есть коммерческие связи, но я достаточно мудра, чтобы не доверять этому человеку. – Малина сделала паузу. – Я вообще доверяю очень немногим.

– Если доверие уравновешено скептицизмом, тогда ты в безопасности, – заметил Якссон. – Барон Харконнен обладает огромной властью и большими возможностями. – Лето нахмурился, а лидер повстанцев внезапно просиял, меняя тему: – А у нас отличные новости, мама! Один из наших недавних и самых преданных союзников, виконт Джандро Тулл, прислал нам партию экспериментальных образцов оружия! – Он залихватски ухмыльнулся. – Устройства, которые изменяют методы ведения войны!

Для Малины это прозвучало как гром среди ясного неба. Она не знала о причастности Дома Туллов к радикалам, хотя ей было известно, что виконт имел когда-то коммерческие связи с герцогом Фаусто Верденом, которого Император уже разоблачил, опозорил и уничтожил.

– Приборы Тулла временно отключают щиты. Большой сюрприз даже для сардаукаров, которые становятся уязвимы к метательному оружию. – Якссон хлопнул в ладоши. – Мы с Лето их уже испытали, и я устрою для тебя демонстрацию! – Он свистнул, призывая пса следовать за ним, затем бросил через плечо, торопясь уйти: – Лето, отведи ее в ангар и покажи наш новый корабль с установленными сверхсветовыми двигателями!

Лицо Малины вытянулось еще больше, когда она услышала это.

– Вижу, ты не терял времени даром во время собраний Картеля на Танегаарде.

– Конечно, мама, ты ведь дала мне свободный доступ повсюду. Я в полной мере воспользовался базой знаний КАНИКТ, которую ты мне предложила. – Сын улыбнулся еще шире. – С тактической точки зрения весьма разумно иметь доступ к кораблю, который не зависит от Гильдии и не использует традиционные космические трассы, основанные на принципе сворачивания пространства.

Якссон поспешил готовить демонстрацию нейтрализаторов. Одиноким пес побежал за ним. Малина вместе с Лето направилась к зданию ангара, наконец оказавшись наедине с благородным представителем Дома Атрейдесов – как она и хотела.

Лицо герцога оставалось настороженным. Он шел так, будто ступал по яичной скорлупе, и не произносил почти ни слова. Малине нравилась такая осмотрительность – хорошее качество для союзника, но также возможный признак шпиона.

Когда они подошли к большой открытой постройке, Малина заговорила:

– Мой сын рад, что вы присоединились к его движению. – «Его» движению, не «нашему», отметил Лето. – Он уже давно хотел завербовать вас. Думаю, он воспринимает вас редким трофеем... что меня несколько озадачивает, потому что владения Атрейдесов не самые большие, а войска не самые сильные. И все же он считает вас своим особым союзником.

Лето обеспокоенно взглянул на нее:

– Так в чем же, по-вашему, дело? Меня тоже удивляет его интерес к моей особе. – Кажется, герцог чувствует себя не в своей тарелке. – Якссон весьма настойчив, временами даже не гнушается угрозами. Он хранит компрометирующую информацию на некоторых соратников из своего ближайшего окружения, но в отношении меня использовал другие методы. Поначалу, во всяком случае – пока не проговорился, что у него есть компромат и на одного из моих предшественников, возглавлявших ранее Дом Атрейдесов.

Малина выслушала эти сведения с большим интересом.

– Думаю, истинная причина его желания вас заполучить, – произнесла она, – это ваша популярность в Ландсрааде. Всем хорошо известно, что вы человек чести. Для него вы вроде медали, которой можно покрасоваться перед теми, кто обвинит его в измене, если когда-нибудь это движение станет популярным среди широкой общественности. – Выражение ее лица посуровело. – Но вы кажетесь крайне маловероятным кандидатом на роль революционера, мечтающего свергнуть правительство Империи.

– Именно поэтому Якссон так радовался, когда я вступил в ряды его сторонников, – пояснил Лето. – Если уж Атрейдесы примкнули к Союзу Благородных, значит, дело повстанцев действительно праведное.

Малина сухо усмехнулась:

– Да, ваши люди называют вас «герцог Лето Справедливый». Я навела справки.

Они остановились у открытого ангара, где инженеры-строители и борттехники осматривали перестроенный корабль. Малина окинула взглядом его обводы, прикидывая что-то в уме.

– Это стандартная конструкция корабля высокого класса. Изначально их не оснащают двигателями подобного типа.

Лето тоже уставился на сверкающий корпус:

– Он был построен как корабль Имперского казначейства, перевозил миллионы соляриев в монетах.

– Вроде того, который Якссон разбил в Императорском дворце? – В тоне Малины сквозило неодобрение.

Ответ Лето ее удивил:

– Это именно тот и есть. Считалось, что он уничтожен. Якссон смог увести настоящий корабль с казной и разбить вместо него судно-обманку в Прогулочном крыле.

Малина нахмурила брови:

– Как ему это удалось?

– Я бы не стал недооценивать вашего сына. – Герцог поджал губы.

– Это не в моих правилах. И все эти солярии он пустил на финансирование своей деятельности? – Теперь Малина понимала, откуда у сына, по крайней мере, часть его доходов.

– Его основные последователи, э-э... очень преданы революции благодаря этому.

Малина посерьезнела и повернулась к герцогу:

– Скажите, зачем это лично вам, Лето Атрейдес? Независимо от того, что о вас думает мой сын, вы не радикал и не бунтарь.

Герцог отреагировал с видимым потрясением и возмущением, как она и ожидала:

– Якссон сам бегал за мной, госпожа директор. Я не искал с ним связей.

– Но вы не ответили на мой вопрос, – настаивала она.

Герцог слегка откинул голову:

– Считаете себя Вещающей Истину? Знатоком человеческих душ?

– Я изучаю людей всю жизнь, и мотивы других рекрутов Якссона для меня понятны. Я осведомлена об их целях и личностях. Кто-то ищет краткосрочной выгоды, другие просто имеют склонность к насилию. Но вы, герцог Лето Атрейдес... вы здесь чуждый элемент. Вы известны как альтруист, но пошли на риск, связавшись с моим сыном. Вопрос – зачем? Я не понимаю, чего вы добиваетесь. Зачем герцогу Каладанскому ставить на карту все, чтобы поддержать насильственный путь?

Лицо герцога стало непроницаемым – возможно, сработал защитный механизм, от страха или беспокойства.

– Если вы изучали мою жизнь, госпожа директор, то знаете, что недавно я какое-то время провел при дворе. Я пытался играть по существующим политическим правилам, чтобы укрепить мой Дом, расширить наши владения и заложить более прочный фундамент для моего наследника. Но вместо этого стал свидетелем ужасающей коррупции и предательства. Клан Коррино правит уже более десяти тысяч лет. Якссон привел мне убедительные аргументы, что человечеству станет лучше, если мы освободимся от этого ига.

Малина прикинула, насколько это правдиво.

– Недовольным стать легко, но гораздо труднее принять насилие, которое уничтожает Императорский музей или огромное количество случайных прохожих возле дворца. Такие действия вовсе не в стиле Лето Атрейдеса.

Герцог пожал плечами:

– Я мог бы перечислить множество подобных действий Шаддама Коррино, которые также не приличествуют образу великодушного Императора. – Он поморщился, будто от боли. – Я хочу лишь стабильности и покоя – превыше всего. – Его серые глаза впились в Малину. – И это вполне соответствует картине моей личности. Вспомните, как я поступил, когда мы с вашим сыном были на Иссимо III. Он хотел причинить этим людям боль и страдания, но я убедил его помочь им вместо этого. У него есть запал, чтобы изменить будущее. Объединившись с ним, возможно, я смогу направить его энергию в более гуманное русло. И тогда выиграем мы все.

Малина взвесила его слова, все еще не уверенная, что верит им.

– Возможно, вам потребуется помощь в этом.

Лето выглядел удивленным:

– Помощь от вас? Он слишком уважает вас, госпожа директор, и вы это прекрасно знаете. Участие Картеля меняет всю картину восстания.

– Вы правы, но я не отступлюсь. – Малина подбирала слова с осторожностью, как и герцог. – Другие радикально настроенные аристократы считают себя катализаторами восстания, и способны устроить большие беспорядки. – Малина вздохнула. – Но это те бойцы, которые у нас есть. Возможно, они добьются успеха.

Лето коротко хмыкнул, будто почувствовал что-то в ее тоне:

– Вы не одобряете методов Якссона? Мне казалось, вы поддерживаете его.

Малина давно все просчитала. Еще до того, как ее ментаты дали свою оценку тому сокрушительному ущербу, который может нанести ее сын, она составила собственные планы. Якссон, паршивая овца, должен быть и будет наказан.

– Позвольте мне самой разобраться с моим сыном, – сказала она. – А мы все тем временем будем работать над укреплением человеческой цивилизации.

В каждом решении есть потенциал для чести и потенциал для позора.
Учение сардаукаров

Сидя в пассажирском кресле маленького скиммера, Джессика смотрела на виконта Тулла, ведущего корабль над холмами к западу от земель поместья. Прекрасный золотой закат Элегии омывал небо, двигатели тихо гудели, крылья со свистом рассекали воздух.

Необычный летательный аппарат Тулла имел частично прозрачный корпус, который позволял видеть работу внутренних механизмов: ретроградные шестеренки и гидравлику для управления пилонами и рулями.

– Конструкция не такая сложная, как я ожидала, – подумала она вслух. – Смотрится интересно и антикварно.

– Наши инженеры намеренно спроектировали это таким образом, но все компоненты современные. Аппарат выглядит обезоруживающе просто, даже эксцентрично просто. Мой отец однажды сказал мне, что старинные вещи – самые лучшие. – Виконт задумчиво улыбнулся. – Старинные вещи и старинные способы.

– Мудрые слова.

Джандро постучал костяшками пальцев по борту.

– Этот материал такой же прочный, как бронестекло. Изготавливается из лишайников Элегии, как и многое другое. Мы расширяем экспорт по всей Империи.

Джессика провела рукой по гладкой внутренней обшивке.

– Чудесно. Я знала, что лишайники используются для производства экзотических тканей, но подобный материал...

Виконт с гордостью приосанился:

– На Элегии исключительно хорошие почвы и климат для выращивания разнообразных видов лишайников, и мы научились делать из них замечательные вещи. Экспорт Дома Туллов недавно расширился благодаря торговому партнерству с Домом Верденов. – Внезапно его лицо омрачилось: – Но Шаддам Коррино со своей паранойей все это разрушил. И жизнь многих из тех бедных беженцев, которые только что прибыли...

У Джессики сложилось свое мнение о Фаусто Вердене. Угрюмый герцог был не слишком любезным человеком и оскорбил Дом Атрейдесов, когда отверг Пола как возможного жениха для своей старшей дочери. Но у Тулла и Вердена действительно имелось много выгодных торговых соглашений... пока императорские сардаукары не сравняли с землей владения Вердена и не вырезали всю семью герцога. Со зла.

Оставляя закат позади, они летели на восток в сгущающиеся сумерки.

– Я повез тебя сюда не для того, чтобы обсуждать элегианские технологии. Я хотел бы показать тебе кое-что удивительное – и ты многое поймешь.

Виконт направил аппарат вверх и пролетел над поросшими деревьями холмами, затем спикировал к широким лугам. Впереди тянулись длинные тени. У Джессики перехватило дыхание, пока они тихо парили над огромным стадом животных. Лошади – так много, что не было смысла пытаться прикинуть количество – грациозно пробегали под ними. Пара величественных жеребцов скакала впереди, бок о бок.

Джессика наклонилась, чтобы лучше видеть их через широкий иллюминатор пилотской кабины. Джандро протяжно вздохнул, довольный ее реакцией. Его гнев и обида улетучились, судя по выражению лица.

– Эти великолепные животные – сердце и душа Элегии. На протяжении многих веков предки наших легендарных скакунов бродили по этим равнинам. А мои предки объезжали этих диких животных, разводили их и участвовали в скачках. Они не похожи ни на одну другую породу в Империи, это самый ценный актив Дома Туллов, а также моя собственность по праву рождения. Их место здесь... а не в качестве экспонатов на какой-то далекой планете.

– Я никогда не видела более красивых лошадей, – вздохнула Джессика, и это соответствовало истине. Она вспомнила, как ехала верхом на Тивви по лесной тропе, хотя тот проявлял некоторый норов. Эти же ошеломительные животные были совершенно дикими, могучими, как сама сила природы.

Джандро оценил благоговейный трепет на ее лице.

– Элегия не обладает таким количеством или разнообразием ресурсов, которые можно найти в других благородных мирах. На протяжении большей части нашей истории она оставалась дикой планетой, усеянной деревьями и населенной суровыми людьми, которые имели лишь волю к выживанию. Только за последние несколько столетий, когда Дом Туллов разбогател за счет экспорта, мы стали известны как один из Великих Домов Ландсраада. Но мы остались независимыми и по-прежнему высоко ценим чистоту крови наших дорогих лошадей. Они здесь не просто для продажи.

Джессика смотрела, как табун диких лошадей перемещается по лугу, разбегаясь дугой от жужжащего летательного аппарата над ними, словно в безмолвном танце.

– Так вот почему вы решили поддержать восстание? Оттого, что тяга к независимости – отличительная черта Дома Туллов?

Этот вопрос волновал Джессику, поскольку виконт казался ей спокойным человеком, но никак не яростным зачинщиком беспорядков.

– У меня есть на то свои причины, – ответил Джандро.

Джессика знала о недавних событиях, когда команды сардаукаров прочесали Элегию в поисках каких-либо доказательств причастности к бунту, но ничего не нашли. Она не унималась:

– Расправа над Домом Верденов спровоцировала вас?

Виконт взглянул на нее с горькой улыбкой:

– Ты имеешь в виду насильственное разрушение устоявшихся деловых связей? Потерю огромного дохода? – Его взгляд стал жестким. – Или убийство моего друга герцога Вердена, а также всей его семьи? Все невиновные. Ты уже встречалась с кем-нибудь из беженцев?

– Простите, – прошептала Джессика. – Я понимаю, насколько глубока ваша рана.

Джандро кружил над великолепными лошадьми, которые продолжали разбегаться в опускающихся на землю сумерках.

– Но я ведь депутат Ландсраада с хорошей репутацией. Требуется экстраординарный катализатор, чтобы подтолкнуть уважаемого дворянина к настоящему восстанию против Дома Коррино.

– Тогда почему вы пошли на это?

Виконт коротко рассмеялся, сменил курс и направился обратно к холмам.

– Потому что я ненавижу Императора Шаддама.

Его прямота удивила Джессику.

– Ненависть – это очень сильное слово.

– Ты права, но в данном случае – точное. – Джандро с тоской посмотрел сквозь прозрачный корпус на табун лошадей. – Это личная вендетта, а Шаддам даже не знает – или ему все равно – какую боль он причинил. Эти лошади – с идеальной родословной. Дом Туллов веками сохранял их генетику. Они известны по всей Империи, но мы никогда не позволяли им покидать планету, никогда не проводили скачки за пределами Элегии. Все прилетают сюда. Эти лошади... священны для меня и моей семьи.

Джессика все равно не могла понять, какое отношение скакуны имеют к восстанию или почему виконт так яростно выступил против Дома Коррино.

– Императору Шаддаму взбрело в голову держать в своей конюшне несколько лошадей тульской породы, напоказ. Дабы произвести впечатление на тех, кто понимает их ценность. Сам он ничего не смыслит в лошадях. И когда мой отец отказался продавать жеребцов, Импе-

ратор нашел иной способ их заполучить. – Лицо благородного вельможи потемнело и горело негодованием. – Я узнал об этом совсем недавно. Не знаю, как ему это удалось – полагаю, он послал браконьеров отловить их в дикой природе, просто потому, что ему захотелось. Шаддам никогда не ездил на них верхом, никогда не выставлял их, просто... держал у себя. Как диковинку на полке. Он намеревался разводить их, поставлять элегианских кобыл и жеребцов – наших лошадей! – в качестве подарков своим друзьям-аристократам.

Джессика долго молчала, пока Джандро вел летательный аппарат над темнеющим ландшафтом.

– И это настроило вас против Дома Коррино?

– Это и все то, о чем ты напомнила. – Виконт издал горький смешок. – Я уверен, ты ожидала каких-то более весомых политических причин, но на мой взгляд, этого достаточно. Император присвоил самую великую ценность Дома Туллов. Я не могу спустить ему это с рук и не позволю раздаривать наших лошадей кому попало, как конфеты детям.

По спине Джессики побежали мурашки. Она вцепилась в подлокотник пассажирского кресла.

– Те лошади в императорских конюшнях... Вы сказали, что их всех отравили.

– Быстро и безболезненно. – Джандро выглядел расстроенным до глубины души. – Усыпить их было трагической необходимостью, и Дом Коррино должен заплатить за это. – Виконт сосредоточился на управлении, но продолжал размышлять вслух: – Раньше мы устраивали скачки на торжественных соревнованиях, которые смотрели по всей галактике. Наши лошади считались непобедимыми против любых инопланетных пород.

Из того, что Джессика успела узнать о Шаддаме по его прошлым отношениям с Лето, Император не любил проигрывать. Ее тошнило от жадности Коррино и от того, на что тот толкнул такого славного дворянина, как Джандро.

– Я знаю, как вы сожалеете об этом.

В свете приборной панели Джессика увидела слезы, текущие по лицу виконта. Летательный аппарат обогнал табун лошадей, стекающих с равнин к большому ранчо. Сторожевые башни окружали главное здание и хозяйственные постройки, а также военные казармы, солдат в форме и посадочное поле.

– Мы сохраним это как заповедник, – пояснил Джандро. – И должны сохранить этих замечательных животных...

Он замолчал, пока заводил флаер на посадку. Джессика видела, как его мучает то, что он вынужден был сделать. Животные эти, по его словам, считались душой и сердцем Элегии.

В любых отношениях присутствует элемент конкуренции. Иногда это очевидно, иногда тщательно скрыто.

Учение Бинэ Гессерит

Пол сам вел военный флаер Атрейдесов, когда они с Дунканом вылетели из замка Каладан на обещанную экскурсию. Машина скользила над бескрайними просторами огромного моря. Хотя этот аппарат дальнего радиуса действия был крупнее тех моделей, на которых тренировался юноша, он чувствовал себя вполне уверенно в командирском кресле. Внешне Пол держался спокойно, но в душе испытывал радостное возбуждение от предстоящей тренировочной экспедиции – их совместного приключения с Дунканом Айдахо.

Мастер меча сидел в кресле второго пилота. Там имелся собственный набор рычагов управления, но Дункан тоже был расслаблен. Они отлично провели время в полете, направляясь на юг – целый день над водой. Молодой человек получил возможность самостоятельно оценить огромные расстояния на планете, которая на самом деле являлась лишь пятнышком в звездном океане, образующем Империю.

Сперва они с Дунканом долго болтали, обсуждая грядущую вылазку в джунгли, а когда их непринужденная беседа иссякла, Пол принялся размышлять об утомительных, но важных делах, которые временно оставил на Сафира. Он подумал об отце: тот сейчас где-то там, на другой планете, среди людей, желающих свергнуть Императора. По спине юноши пробежал холодок...

Ближе к вечеру на горизонте показалось размытое пятно, которое вскоре превратилось в длинный, омываемый волнами берег с песчаными пляжами, за которыми зеленели густые джунгли и высились горы. Дункан откинулся на спинку кресла и кивнул вперед подбородком:

– Южный Континент, молодой господин. Природа здесь дикая, а жителей не слишком много – есть где развернуться, чтобы вы получили хорошую тренировку. Посмотрим, справитесь ли вы с трудностями, которые я вам подкину.

– До сих пор всегда справлялся, – заявил Пол. – А я подкину вам в ответ. Возможно, вы еще не понимаете, с кем связались, Дункан Айдахо!

Мастер меча расхохотался:

– Хорошо, я принимаю вызов! По крайней мере, вы пока не уронили машину.

Пол вскинул брови:

– Вы же знаете, что я хороший пилот.

– Верно, но всегда есть вероятность ошибки. Не теряйте бдительности.

Будто в подтверждение этих слов, вблизи берега летательный аппарат попал в воздушную яму.

– Ну что, готовьтесь, Дункан. Я тоже буду на вас охотиться.

Мастер меча добродушно фыркнул:

– Как мышь на льва!

– Вы недооцениваете мышь – и это делает ее опасной.

Пол обогнул зону турбулентности и взял курс на запад. Континент тянулся до самого горизонта.

Дункан продолжил:

– Надо сказать, вы молодец, Пол. Когда я предложил вам это испытание, вы и глазом не моргнули, даже не задумались. Сразу же ответили «да».

Пол усмехнулся. Гул двигателей стал громче и басовитей, когда он заложил вираж и начал снижаться.

– А вы ожидали, что я начну задавать вопросы, будто какой-нибудь юрист? Обсуждать тонкости нашей игры? Выяснить, есть ли у нее правила?

– О, правила существуют, молодой господин. Просто бегите в джунгли и не дайте себя поймать – или убить. Если только в последний момент не надумаете вернуться домой и забраться в свою безопасную уютную постель в замке.

– Отдохну после того, как пройду испытание. – Пол окинул взглядом отсутствующие на карте вереницы зеленых холмов, уходящие к более высоким горам в глубине материка. Он посерьезнел. – Я знал, что вы бросаете мне вызов, предлагаете задачу на пределе сил. Задавать вопросы – значило испугаться.

Дункан провел пятерней по своим темным жестким волосам.

– Даже отважным бойцам и хорошим лидерам не чужд страх. Вам нужно научиться управлять им и обращать на пользу.

– Вы сейчас говорите как мой отец!

После этого вырвавшегося восклицания оба с минуту сдержанно молчали.

Береговая линия под ними представляла собой белые пляжи, испещренные глубокими лагунами и темными зазубренными рифами. В этот вечерний час удлинившиеся тени придавали густому ковру джунглей еще более насыщенный зеленый цвет. Серебристые реки вились среди деревьев. Гряда покрытых деревьями гор резко вставала за пляжами, напоминая сторбленного зеленого зверя, за ней виднелся еще один горный хребет с огромной господствующей вершиной.

Пол не видел ни дорог, ни крупных поселений, хотя знал, что там живут племена, исповедующие Муадх. Но они с Дунканом и стремились оказаться вдали от цивилизации, полагаясь лишь на собственные навыки и ресурсы. Пол размышлял, где бы приземлиться в этой девственной дикой местности.

– Снизайтесь осторожно, – произнес Дункан. – Наконец-то пройдуся и разомну мышцы. – Он взглянул на молодого человека, сидящего в соседнем кресле. – И начну выследживать вас среди лиан и зарослей!

Пол рассмеялся:

– А я помимо мышц использую свой натренированный разум и всегда буду на шаг впереди! – Он перевел шарнирные крылья в посадочное положение и изменил вектор тяги двигателей. Участки пляжа, затопленные приливом, выглядели как серебристые зеркала, отражающие небо. Что-то внизу привлекло внимание юноши.

– Что это там такое? – спросил Пол. Он снижался точно так же, как в тренировочных полетах над полями вокруг замка. Возле приливных бассейнов, как стада на водопое, сгруппировались десятки, если не сотни, плотных серых фигур каких-то гладкокрылых существ.

– Не летите слишком низко! – предупредил Дункан. – Только не с убранными крыльями!

– Мы сможем включить антигравитаторы, если потребуется, – возразил Пол. – Я просто хочу разглядеть, что это за создания. В одной фильмокниге доктора Юэ я видел птиц-мант. Они добывают пропитание на побережье и похоже, весьма распространены здесь, хотя и малоизучены.

– Никогда не слышал о таких птицах, – пожал плечами Дункан.

Пол усмехнулся, взглянув на него искоса:

– Неудивительно. Не думаю, что вы вообще изучали животный мир Каладана.

– Это точно.

Когда корабль низко пролетел над водой, тень от него вспугнула многочисленных мانت. Одной встревоженной волной вся стая птиц поднялась в воздух. Они напоминали крупных скаотов манта, которых юноша встречал, ныряя у побережья, но эти манты умели летать. Их серые, будто резиновые крылья походили на паруса. У них были тонкие, длинные хвосты, похожие на зазубренные жала, и Пол увидел, как по гладкой влажной поверхности их крыльев пробегают голубые электрические разряды.

Птицы взмыли ввысь внезапно, как шквал, и флаер в мгновение ока оказался внутри стаи. Пол схватился за штурвал и направил машину вверх, круто набирая высоту, но птицы летели почти с такой же скоростью, испуганно носясь вокруг. Одна ударилась о корпус, затем раздалось еще три сочных шлепка, будто машину забрасывали кусками сырого мяса. Следующая врезалась в лобовое стекло кабины, так что Пол ничего не мог разглядеть. Он заложиł широкий вираж, уводя аппарат вглубь побережья, подальше от береговой линии. Птицы продолжали барабанить по корпусу – получилось так, что флаер пронесся через всю стаю.

Хуже того, приборная панель заискрила и замигала, затем погасла. Крошечные нити голубых молний окутывали аппарат, как кокон – от птиц исходили электрические разряды. Из фильмокниги Пол смутно помнил, что таков защитный механизм птиц-мант. Теперь, распространяясь от птицы к птице, разряды устроили замыкание в системах корабля.

Дункан что-то орал, схватившись за штурвал второго пилота, но его приборы тоже вышли из строя. Мастер меча щелкнул тумблером передатчика и выкрикнул:

– Флаер Атрейдесов терпит бедствие на Южном Континенте! Наши координаты... – В смятиении опустив глаза, он увидел, что вся панель темная и не реагирует.

Наконец, словно мокрая тряпка, сдутая ветром, передняя манта соскользнула с лобового стекла. Сквозь молочно-мутный след оставшейся от нее слизи Пол вдруг увидел, что они направляются к заросшему джунглями хребту. Он потянул штурвал на себя, набирая высоту. Плюющиеся двигатели почти не слушались пилота, но ему все же удалось набрать скорость и подняться достаточно высоко, чтобы перевалить через хребет. А затем отказали даже эти последние средства управления, и Пол вдруг понял, что летит внутри мертвого куска металла аэродинамической формы.

Достигнув по параболе верхней точки своего неожиданного прыжка, машина начала терять набранную высоту. Дункан, все еще возившийся с передатчиком, наконец сдался. Мгновение они с Полом смотрели друг на друга, пока флаер превратился в странный пузырь тишины... неуправляемый и падающий в темные заросли.

Внизу лежали крутые лощины, скальные выступы пробивались сквозь листву. Впереди простирались склоны главной горы, покрытые джунглями, в которых кое-где виднелись расчищенные участки. Пол задержал на них взгляд – почва слегка вулканическая, но, по крайней мере, без деревьев и лиан. Дункан вновь превратился в наставника, спокойного и ободряющего.

– Наш аппарат теперь планер, Пол, и нужно относиться к нему как к таковому. Крылья сложены – нужно расправить их, чтобы мы могли продержаться в воздухе чуть дольше. Возможно, получится маневрировать на ручном управлении, пока мы найдем, где сесть.

– Вы хотите сказать – где разбиться, – поправил Пол. И не в шутку.

– Будем надеяться, что обойдется без этого. – Дункан продолжал попытки оживить свой пульт, но безрезультатно.

Пол попробовал выдвинуть крылья, но система не работала. Дункан взялся за рычаг ручного выпуска:

– Нам придется сделать это самим. – Мастер меча резко повернул рукоять, вращая ее так быстро, как только возможно. Пол сделал то же самое. Он почувствовал, что аппарат начинает слушаться рулей, пусть и немного. Крылья расправились, и флаер заскользил вперед и вниз по пологой дуге, чудесным образом все еще оставаясь в воздухе. Юноша посмотрел на склон горы и просветы в зеленом покрове.

– Должно же найтись хоть какое-то место, Дункан! – воскликнул он.

Наставник кивнул.

Пол удерживал курс, орудуя механическими тягами руля. Флаер постепенно спускался все ниже, по-прежнему в зловещей тишине. Юноша попробовал покачать элеронами, но те реагировали слабо. Горный склон надвигался прямо на них.

– Дункан, я не...

– Просто посади эту штуку, парень! Поговорим позже.

Пол вложил всего себя в эту посадку, каждое мгновение следя за положением машины, а затем по нижней части корпуса хлестнули высокая трава и разрозненные кусты. С хрустом и скрипом флаер проскрежетал брюхом по неровному скальному выступу, а затем вновь выкатился на мягкий луг, виляя то влево, то вправо – ужасающе, тягуче долго, пока не замер.

Пол некоторое время сидел без движения. Затем повернул голову к своему спутнику. Они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, потеряв дар речи. Юноша первым нарушил молчание. Его голос звучал хрипло:

– Ну? Может, уже похвалите меня за такое удачное приземление?

Наставник фыркнул:

– Если бы оно оказалось неудачным, я бы больше никому не смог сказать ни слова. Мы выжили, Пол, и ты проявил определенное мастерство. Но изначально летел слишком низко, не вняв моему предупреждению!

Оба выбрались наружу, потрепанные и взвинченные. И огляделись по сторонам. Вечер уже спускался на землю.

– Не совсем так я хотел начать это приключение, – вздохнул Дункан. – Но мы целы, и у нас остались наши припасы. – Он обошел скрипящий поврежденный флаер. – В ящике для инструментов есть кое-какие детали. Сомневаюсь, что этого будет достаточно, чтобы починить весь аппарат, но, возможно, мы сумеем восстановить связь. Сообщим Сафиру Хавату, что с нами произошло, чтобы он отправил спасательную группу.

Воодушевленный тем, что они выжили, Пол обернулся и взгляделся в темнеющие джунгли.

– А куда нам торопиться, Дункан? На флаере все равно есть маячок. Сафир и без того начеку. Если он не получит от нас вестей точно в назначенный срок, то пошлет сюда все силы – вы знаете это так же хорошо, как и я.

Смущенно улынувшись, Дункан кивнул.

– Тогда давайте переосмыслим ситуацию, – продолжал Пол. – Сейчас немного поспим, а с утра приступим к тренировке.

Даже наша повседневная деятельность чревата скрытыми последствиями и политическим резонансом. Нельзя и шагу ступить без оглядки – как бы чего не вышло. Мы превратились в политиканов, разучившись быть просто людьми.

Герцог Лето Атрейдес. Из письма сыну

Даже после того, как Лето покинул тайную базу на Носсусе, он не чувствовал себя в безопасности. Насколько он мог судить, никто из остальных радикалов не подозревал, кому герцог хранит верность на самом деле – и уж точно не сам Якссон, – но продолжал играть роль, которая в корне противоречила его натуре. Несмотря ни на что, долг обязывал его продолжать маскарад.

Хотя Лето тосковал по дому, он сразу же отправился в другое опасное место – на Куарте, во владения лорда Раджива Лондина.

Когда герцог впервые согласился встретиться с лидером повстанцев, он понимал, что лезет в яму с ядовитыми змеями. Планету лорда Лондина он воспринимал как еще одну такую же ловушку. Всей душой ему хотелось просто править народом Каладана и наставлять сына, чтобы тот стал в будущем хорошим лидером. Но Пол уже имел хорошую подготовку и твердый моральный стержень – перед юношей раскрывались широкие перспективы. Когда-нибудь из него получится прекрасный герцог.

Однако Лето хотел убедиться, что Империя продолжит существовать и при будущих поколениях Атрейдесов. Он был полон решимости довести свой план до конца и обезвредить террористов, которых мало заботило, сколько крови проливается в процессе их «великих» акций. К настоящему времени Гарни, вероятно, уже передал послание Императору Шаддаму, и тот рассчитывает на герцога.

Директор Картеля оставалась на Носсусе совсем недолго – лишь для того, чтобы обменяться информацией и узнать о планах сына. Лето все еще не мог понять смысл того тревож-

ного разговора, который состоялся у него с Малиной наедине. Пыталась ли она его подловить? Или намекала, что интересы их двоих могут совпадать, но не совпадать с интересами ее сына? Что у нее есть сомнения насчет Якссона? Вскоре после отлета Малины они с Якссоном тоже покинули планету – разными маршрутами, с разными миссиями.

Но его сравнительно прямолинейный план положить восстанию конец стал значительно сложнее теперь, когда герцог узнал, что Якссон тайно хранит убойную информацию в своей карманной базе данных. Лето уже не мог просто отправить новое послание на Кайтэйн и умыть руки, предоставив имперскому правосудию возможность вершиться своим чередом. Ему требовалось найти иной способ. И для этого приходилось продолжать играть роль – по крайней мере, еще некоторое время.

После двух пересадок на узловых планетах Лето, наконец, добрался до Куарте. Благодаря красочным «огненным садам», разбросанным по всей столичной зоне, приятный родной мир Лондина часто принимал гостей – туристов, купцов и торговых представителей. Лето легко затерялся среди них, неотличимый от прочих пассажиров челнока, направляющегося на поверхность планеты. Впрочем, Радживу Лондину он сообщил о своем скором прибытии.

По очевидным причинам предстоящая встреча требовала конфиденциальности. Лондин открыто выражал недовольство режимом Коррино, и Лето не мог иметь с этим дворянином близких публичных контактов. Теперь, когда он знал, что лорд связан с повстанческим движением – не просто как критик существующей власти, но как человек, готовый поддержать реальное кровопролитие и разрушение, – Лето приходилось проявлять еще большую осторожность.

С другой стороны, пока он не найдет способа лишить Якссона опасного «камня памяти» и содержащихся на нем данных, ему придется притворяться, что он искренне ищет союзника; возможно, даже изображать интерес к Викке Лондин. Предполагалось, что цель данного визита – ухаживание за ней, и это обещало стать самой сложной частью программы.

Даже несмотря на то, что Джессики больше не было рядом.

В обычных обстоятельствах, при холодном расчете, Викка могла бы стать приемлемой кандидатурой в жены герцогу Каладанскому. Когда-то Лето приятно провел с ней вечер, организованный самим графом Фенрингом. Знала ли она вообще о склонности своего отца к насилию? Но сердце герцога все еще было разбито после стольких лет близких отношений с женщиной, которая, как он думал, любила его, и Лето никогда не забудет, что Сестринство Бинэ Гессерит, недолго думая, аннулировало контракт Джессики как его наложницы.

Ее образ с видеозаписи, на которой она стояла очень близко к виконту Туллу, навсегда запечатлелся у Лето в голове. Очевидно, Джессика согласилась на новое задание, не имеющее к герцогу никакого отношения, и играла свою роль так же хорошо.

Вот только Лето теперь знал, что Джандро Тулл также присоединился к движению за разрушение Империи. Если герцог раскроет личности радикальных повстанцев, не подвергнет ли он и Джессику ужасной опасности из-за гнева Шаддама?

Он не мог отмахнуться от этого с помощью рационализации: мол, таков ее собственный выбор...

Погрузившись в свои мысли на жестком сиденье пассажирского челнока, Лето сжал правую руку в кулак, давая выход гневу и замешательству – до боли в пальцах, пока не почувствовал, что напряжение спало. Он глубоко вздохнул и приготовился к посадке.

Сойдя на поле вместе с другими путешественниками, он оглядел народ в зоне прибытия и узнал грубоватого длиннолицего Родунди, служащего главным администратором Дома Лондинов. Их взгляды встретились, и Родунди коротко кивнул. Вместе они принялись прокладывать себе путь сквозь толпу, заполняющую космопорт. День только начинался, но обещал быть пасмурным.

Родунди не начинал разговора, пока они не оказались достаточно далеко, чтобы никто не мог их подслушать.

– Лорд Лондин ожидает вас, Лето Атрейдес. – Он втянул носом воздух. – Честно говоря, я удивлен, что вы прилетели.

Лето незаметно изучал администратора, пытаясь понять, почему этот человек всегда кажется таким отстраненным.

– Я научился использовать любые возможности. – Герцог старался говорить уклончиво. – С удовольствием вновь увижусь с Викторией Лондин. Мне понравилось находиться в ее обществе.

Лицо Родунди напряглось:

– Мы оба знаем, что у вас есть и иные причины быть здесь.

Герцог оставался спокоен:

– Да, имеются и другие причины. Я долго сопротивлялся давлению общественности, что пора вступить в официальный брак, но теперь, как вам известно, многое изменилось.

Родунди принял это объяснение.

– Я провожу вас к главному корпусу, сэр.

Большое поместье располагалось на холме с видом на центр столицы. Раджив Лондин вышел из открытых двойных дверей и приветствовал Лето, величественно раскинув руки. Его дочь стояла рядом, улыбаясь – искренне радуясь встрече с Лето.

Проведя герцога в фойе просторного особняка, лорд Лондин любезно произнес:

– Я понимаю, как вы скучаете по Каладану, мой добрый друг, но для меня большая честь, что вы нашли время посетить Куарте, дабы наладить отношения и... заняться другими делами. – Он покосился на Викку.

– Рада узнать, что ничем вас не обидела, Лето. – Девушка приподняла бровь. – Сперва меня сбил с толку и расстроил ваш внезапный отлет с Кайтэйна и ваше молчание. Мне казалось, мы хорошо поладили.

Пожилой дворянин примирительно пояснил:

– Я рассказал дочери, о какой ужасной услуге просил вас граф Фенринг. Вам стоило бы жениться на ней просто назло этому человеку! – Его тон был не вполне шутливым, и Викка бросила на отца быстрый взгляд.

Лето мгновение обдумывал, что на это ответить.

– Это никогда не считалось подходящим мотивом для вступления в брак. А Император Шаддам, несомненно, будет ставить палки в колеса. Он мечтает любой ценой унижить и погубить вас.

Лондин повысил голос:

– Тем больше причин избавиться от этого коррумпированного болвана!

Лето напрягся, заметив множество слуг в пределах слышимости. Учитывая постоянную критику со стороны лорда Лондина, Шаддам наверняка приставил к нему шпионов. Тем не менее, лорд продолжал буйствовать:

– Я написал новую речь, с которой выступлю на собрании Ландсраада в следующий раз! Казалось бы, я все уже сказал в адрес Дома Коррино, но выявляется все больше и больше провалов и злоупотреблений!

Викка раздраженно вздохнула:

– Лето только что прибыл, отец. Давай поговорим о делах позже. Родунди проводит герцога в его покои, чтобы он мог отдохнуть с дороги.

Дворянин несколько смягчился:

– Но позже, как только стемнеет, ты обязательно проведешь для Лето частную экскурсию по нашим огненным садам. С его стороны было бы преступлением посетить Куарте и не увидеть нашу главную достопримечательность!

Викка взглянула на Лето, тепло улыбнулась и кокетливо произнесла:

– А я-то думала, что это я главная достопримечательность!

Несколько часов Лето отдыхал и приводил себя в порядок, но после полудня решил присоединиться к Радживу Лондину на заседании планетарного совета. Он вежливо слушал, как депутаты обсуждают местные дела, а лорд Лондин тем временем имел широкие возможности отпускать колкие замечания в адрес Коррино. Несмотря на то, что Лето хотел держаться в тени, ему зааплодировали, когда Лондин заявил, что герцог Каладанский разделяет его мнение. Поддерживая маскировку, Лето принял предложенный образ, хотя не сомневался, что слухи об этом дойдут до Императорского двора. К счастью, послание, переданное Гарни, все объяснит Шаддаму...

Когда заседание закончилось, главный администратор Родунди помог лорду отредактировать зажигательную речь, с которой тот намеревался выступить в Ландсрааде. Лето это обращение показалось таким же, как и все предыдущие, но теперь, когда он знал, что этот человек действительно собирается свергнуть Императора, слова звучали по-другому.

Вечером состоялся изысканный ужин. Вика встретилась с герцогом сразу после наступления полной темноты. Она была одета в яркую юбку, блузку и накинутый на плечи платок.

– Вы проделали сюда такой большой путь... Пойдемте со мной, я покажу вам кое-что особенное.

Она взяла его под руку и вывела из особняка. В ночном небе сияли две маленькие луны и множество звезд.

Они с Викой направились к садам поместья, где располагались огороженные участки с небольшими вулканическими выходами. Пар со свистом вырывался из отверстий, в воздухе чувствовался запах серы. Какая-либо живая растительность вокруг отсутствовала.

Когда Лето спросил, на что обращать внимание, Вика ответила:

– Просто смотрите. Ждать недолго. Огненные сады – чудесное зрелище. Гейзеры создают непредсказуемые фонтаны.

Ближайшее отверстие внезапно полыхнуло и вспенилось разноцветными искрами, брызнувшими вверх и похожими на светлячков. Вика радостно засмеялась:

– Там, под землей, частицы горючего вещества, а в воздухе – реагенты!

Ударил еще четыре разноцветных фонтана – зелеными, оранжевыми и розовыми искрами. Они действовали в определенном ритме – пока один затихал, другой бил все выше.

– Туристы приезжают к нам со всей Империи, – сообщила Вика. – Мы, местные, уже привыкли к этому зрелищу, но никогда не забываем, насколько оно прекрасно. Не воспринимаем его как должное.

Лето наблюдал за очередным красочным фонтаном. Химический привкус в воздухе стал еще более ощутимым.

– Я впечатлен.

Вика указала на столичные огни внизу, где раскинулся центральный парк, переполненный гуляющими. Там разворачивалось куда более зрелищное представление.

– Это приносит большую выгоду Дому Лондинов.

Огромный фейерверк взлетел ввысь в центре парка. Даже издали Лето слышал радостные возгласы толпы.

Герцог Атрейдес задумался – как изменился бы тихий пасторальный Каладан, если бы туда прибывали орды гостей с других планет. И в каком-то смысле порадовался, что его родной мир не привлекает такого внимания.

Вика продолжала:

– Разумеется, мы не ограничиваемся только туристической сферой коммерческой деятельности. Мой отец начинал инвестировать в рыбные промыслы на вашей планете. Жаль, что это направление разрушено – большая потеря для обоих наших Домов.

Лето вспыхнул от гнева:

– Из-за вероломного нападения Дома Харконненов! Это неспровоцированное объявление войны между нашими семьями! Но Император Шаддам не захотел вмешиваться. Он просто рассмеялся и назвал это «маленькой ссорой».

Викка крепче сжала его руку:

– Имперские ублюдки. Действуя вместе, наши семьи смогут изменить ситуацию к лучшему. – Она взглянула на герцога. – Вместе, Лето. Вы и я.

Но хотя красавица Викка стояла почти вплотную, из головы Лето не шел образ Джессики рядом с виконтом Туллом. Герцог дважды просмотрел присланное сообщение и даже сохранил его копию. С тех пор, как покинул Каладан, Лето пытался отгораживаться от своего сердца и мыслей, но чувствовал, что лишь обманывает сам себя. Приходилось признать, что ситуация изменилась, хотя он и не понимал, почему Джессика так поступила.

Неужели он настолько плохо разбирается в человеческих характерах? Даже если Джессика вынудили пойти на это, если Орден Бинэ Гессерит назначил ее наложницей в другой Дом, она все равно оставалась матерью его сына. Пол является наследником Каладана, и Лето никогда не поменяет этого решения.

Викка вздохнула:

– Вы так не похожи на Клартона, моего бывшего мужа... Я с радостью избавилась от него, хотя это потребовало определенных усилий.

Лето тут же насторожился:

– Что вы имеете в виду?

– Мне казалось, я рассказывала вам о нем во время ужина во дворце, разве нет? Он был грубияном, вечно меня обижал. – Лицо Викки потемнело, она нахмурилась. – Оскорблял меня словами и мрачным настроением, хотя рук не распускал – боялся, что отец заметит синяки. Клартон был старшим сыном могущественного Дома Майноров, тоже с Куарте, и поначалу мы казались идеальной парой, но с годами наш брак становился все хуже и хуже. – Она отвела взгляд. – А теперь Клартона больше нет. Благодаря Якссону Ару и его великой акции на Оторио.

У Лето пробежали мурашки по коже.

– Мне известно, что ваш муж погиб там во время взрыва. Я и сам чудом спасся.

Викка покраснела:

– О, лично вы не являлись целью Якссона. В то время мы еще не знали, что вы присоединитесь к нашему движению. Дом Лондинов пригласили туда на торжественное мероприятие, и мы отправили моего мужа как нашего представителя. А заодно и решили проблему с этим человеком.

Она вновь приблизилась к Лето и коснулась его руки. Очередной сноп золотистых искр вылетел из ближайшего отверстия в земле.

– И теперь я здесь, с вами.

Лето скрывал свои эмоции, размышляя о том, что сделала эта женщина. Она не только знала о запланированном Якссоном смертоубийстве и никак не предупредила людей, но и использовала это для устранения мужа, отправив его на Оторио, где тот стал еще одной жертвой. И выглядела вполне этим довольной. Герцог попытался представить, способна ли Джессика на такую изощренную тактику для достижения своих целей. Раньше он ни за что бы в это не поверил. Его сердце всегда лежало к Джессике, но после того, как она бросила его и сына, показав, что на самом деле предана лишь Сестринству и быстро упав в объятия другого дворянина, Лето Атрейдес больше не знал, во что верить.

Нужно научиться понимать разницу между возможностью и угрозой.
Барон Владимир Харконнен. Из архивов Гайдеди Прим

Вернувшись на Арракис, барон Харконнен засел в своей комфортабельной штаб-квартире, пытаясь спрятаться от сухого раскаленного воздуха. Недавние визиты на Гайдеди Прим и более провинциальный Ланкивейл лишь подчеркивали суровость пустынного климата. Но власть, богатство и влияние, которое меланж приносил Дому Харконненов, стоили всех неудобств.

В другое время массажа, бани и квалифицированной жрицы любви было бы достаточно, чтобы барон расслабился, но сейчас в его голове роились тревожные мысли. На Арракисе опасность ощущалась острее, ярче. Проклятый Фенринг и его эксцентричный ментат продолжали копаться в руинах завода Оргиз, ведя расследование – как ребенок, постоянно трогающий шатающийся зуб. Рано или поздно он выпадет, и прольется кровь.

Удалось ли барону сбить их со следа, выдвинув предположение, что за незаконной торговлей специей стоят террористы-повстанцы? Эта версия заинтриговала графа, но ее отработка ничего не дала. Теперь хитроумный ментат Грикс Дардик вновь обратил все внимание на барона, просвечивая его, как проектором.

Когда барон обнаружил записку, тайком вложенную в коробку с доставленными продуктами, он сам не понял, что она вызвала больше – интерес или подозрение. Понемногу того и другого, решил он.

«Уважаемый барон, у меня есть конфиденциальная информация о контрабандных операциях Союза Благородных на Арракисе. Приходите на встречу один и лично, и я передам вам эти важные сведения. Вы найдете их весьма ценными».

Далее в неподписанном послании указывались конкретное время и место встречи. Барон несколько раз перечитал эти несколько строк на меланжевой бумаге, крутя в голове варианты. Затем вызвал Раббана, который тоже успел вернуться с Ланкивейла, и дал ему особое поручение.

Завершив серию пыток Гарни Холлика и возложив отныне эту работу на Питера де Врие, Раббан с энтузиазмом взялся за другое задание. К обычному подбострастию племянника добавилось самодовольство с тех пор, как он уничтожил производственную площадку Оргиз, но он переоценивал степень доверия барона. Стоя в главном офисе, Раббан прочитал сообщение незнакомца, переданное ему дядюшкой и сморщил лоб, отчего тот стал похож на пустыню, испещренную оврагами.

– Ничего не понимаю! Производством в Оргизе никогда не управляли повстанцы!

– Мне это известно лучше всех – а значит, этот человек либо блефует, либо лжет, – сделал вывод барон. – Но, возможно, он действительно обладает информацией, которую нам нужно знать. Отправляйся на встречу и схвати его, чтобы мы могли провести тщательный допрос. У тебя это хорошо получается.

Раббан ухмыльнулся:

– О да, дядя!

– Не причиняй серьезного вреда этому человеку, пока мы не узнаем, что он задумал. Он может оказаться шпионом или просто шарлатаном.

Племянник слегка разочарованно вздохнул, но удалился с решительным выражением на тупом лице.

Через два дня после назначенного времени встречи барон сидел в кабинете, просматривая отчеты об экспорте специй и производительности труда, но в ожидании почти не обращал внимания на цифры. Услышав громкий шум в коридоре, он выпрямился в кресле и приготовился. Кряхтя, Раббан впахнул в дверь грязного пустынного оборванца. Включив антигравитационный пояс, барон поднялся из-за черного овального стола.

Серый халат пустытника знавал лучшие времена, но под ним виднелся хорошо обихоженный конденскостюм. Лицо пленника было худым и обветренным от постоянной нехватки влаги, а редкую бороду покрывала пыль. Ярко-голубые глаза выдавали человека, всю жизнь употребляющего специю.

Раббан подтолкнул его вперед, как кукловод марионетку. Пленник проворчал:

– За что меня схватили? Вы же не знаете, кто я такой!

Барон постучал друг о друга подушечками сложенных пухлых пальцев:

– Это мы и намерены выяснить. Какое отношение ты имеешь к Союзу Благородных? Расскажи нам о незаконных операциях со специей. – Он даже представить не мог, что ответит пленник, поскольку знал истинную картину.

Лицо пустытника исказила хмурая гримаса:

– Я слышал об этом дурацком восстании против вашей дурацкой Империи, но вполне доволен своей пустыней. Я – фримен!

Раббан протянул руку и пригнул его голову книзу, просто чтобы показать, кто хозяин положения.

– Прояви должную почтительность, когда разговариваешь с бароном!

Барон продолжал:

– Ты отправил нам тайное послание, назначив встречу.

– Я ничего не отправлял! – Фримен упрямо вздернул подбородок. – Мне заплатили, чтобы я прибыл в определенное время и в определенное место, где ожидалась встреча с Харконненами. Меня предупредили, что вы можете схватить меня, и тогда я должен передать вам еще одно сообщение.

– Какое именно? – спросил барон. Он гадал, не является ли происходящее хитростью или ловушкой. – Объясни нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.